БОЛЬШЕВИК

№ 10

5 СЕНТЯБРЯ

1 9 2 4

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

К подписчикам журнала „Большевик".

Редакция журнала „Большевик" доводит до сведения всех подписчиков, что задержка в выходе № 10 журнала произошла вследствие перехода журнала из издательства „Красная Новь" в издательство газеты „Правда".

Редакция.

1924
МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРАВДА

Главлит № 24485 Москва. Тираж 80000.
Типо-литография „Искра Революции" (б. 7-я) Мосполиграф, Филипповский пер., д. 11.

О задачах момента.

Строительство социалистического хозяйства, по сути дела, началось только с НЭП'а. В эпоху военного коммунизма мы заняли экономические и политические командные высоты, отстояли их в жесточайшей гражданской войне, огнем и кровью закрепили завоевания октября.

С 1921 года мы начали борьбу за строительство социалистической экономики.

Год за годом, медленно и тяжко, мы выкарабкивались из трясины послевоенной разрухи, поправляя истрепанную промышленность, обеспечивая минимально сносные условия для развития крестьянского хозяйства, нащупывая пути овладения рынком, упершись, на основе некоторого восстановления производств, в проблему твердой валюты, успешное разрешение которой имеет теперь уже реальные предпосылки.

Это—поистине громадный успех. На пути первоначального социалистического накопления, несомненно, труднейшими являются первые шаги, когда дорога еще неизвестна, шаг неуверен, на плечах тяжелое наследие хаотической полосы гражданской войны. Мы уже почти знаем путь, размерили наш шаг, ликвидировали часть гнетущего нас наследия. Но это наше укрепление, усиление диктатуры пролетариата, успехи социалистического производства протекают в условиях противоречивого развития, в необычайно своеобразной обстановке.

Основной тенденцией развития зрелого капитализма являлись капиталистическая концентрация и централизация.

Но этому периоду предшествовала эпоха первоначального капиталистического накопления. Для последней же, являющейся эпохой капитализма в становлении, характерна необычайная пестрота экономических форм, подчиняемых крупным капиталом и экономическими и внеэкономическими методами.

Еще большей пестротой экономических форм отличается эпоха первоначального социалистического накопления.

Но если в эпоху первоначального капиталистического накопления капитал был единственной мощной силой, способной подчи-

нить своему влиянию весь пестрый комплекс социально-экономических формаций, то в наших условиях, за определяющее влияние на эту пеструю экономическую систему борются капитализм и социализм. Борьба капитализма и социализма на первой стадии нашей эпохи усложняется именно этой пестротой.

А за первые годы НЭП'а социально-экономические отношения, несомненно, необычайно дифференцировались. Пролетарская социалистическая промышленность, ремесленное частное производство, частно-капитал. промышленность, госторговые организации, оптовики-капиталисты, розничный торговый капитал и мелкий зависимый от частного капитала торгаш, государственные банки, смешанные финансовые организации, ростовщического типа заимодавец,—эта пестрая картина борющихся взаимодействующих сил, сцепленных логикой экономического развития в противоречивое единство,—есть картина современного экономического комплекса в советском городе.

Советское хозяйство, коммуна, артель; крестьянское хозяйство полупролетарского типа; средняцкое хозяйство и крепкое, усиливающее свое влияние на деревню в целом, хозяйство кулака; кооперация разных типов, частный капиталист—таковы элементы деревенской экономики.

Город и деревня связываются все более тесными экономическими узами; первый влияет на вторую в направлении усиленной дифференцировки отношений. Оборотной стороной дифференцировки экономических отношений являются социальная дифференциация. Социальный состав советского общества необычайно усложнился, стал пестрее, многообразнее.

Кто кого? Кто подчинит себе эту пеструю систему социально-экономических формаций экономически, кто будет быстрее подчинять себе промежуточные формы политически и идеологически — капитал или социалистический пролетариат?

Каким образом в эту эпоху первоначального социалистического накопления подчинить переходные, социально экономические формы социализму? — Такова проблема эпохи.

Еще более усложнится эта проблема после возможного заключения тесных экономических связей с мировым капиталом, получением займов, дачей крупных концессий и т. д.

С одной стороны—возобновление тесных экономических связей с мировым хозяйством — несомненно ускорит процесс восстановления нашего социалистического хозяйства, — и это соображение играет решающую роль в нашей политике внешних экономических соглашений; с другой стороны—это ставит ряд новых крупнейших проблем, обостряет нашу бдительность, требует новых сил и новых методов для борьбы за экономическую гегемонию в нашем Союзе.

Несомненным крупнейшим залогом успеха в этой борьбе является наличие в наших руках государственной власти.

Но эта последняя будет крупным положительным фактором только при правильной политике нашей партии, при величайшей внимательности ее ко всем протекающим вокруг нас социально-экономическим и политическим процессам.

Основная линия противоречий в нашем обществе пролегает между капитализмом и социализмом. Но разрешение этого противоречия в нашу пользу мыслимо только в том случае, если мы максимально преодолеем противоречия внутри советского антикапиталистического фронта, несомненно усиливаемые обстановкой товарно-капиталистического общества.

Умелая, сознательная тактичная ликвидация противоречий, могущих наметиться внутри советской системы — есть залог установления экономической гегемонии социализма в эпоху НЭП'а.

Сознательное установление внутреннего единства в наших рядах по всем линиям — это непременная предпосылка нашей победы. По каким именно линиям мы должны бороться за преодоление возможных противоречий?

Во-первых, крупнейшей опасностью может явиться рост противоречий социалистического города и мелко-буржуазной деревни. Задача заключается:

а) в унифицировании налоговой системы, в отношении крестьянства, учета платежеспособностей крестьянского хозяйства; б) в дальнейшем удешевлении продуктов промышленности, как условии завоевания крестьянского рынка; отсюда следует необходимость такой политики, при которой бы рост производительности труда обгонял рост заработной платы.

Во-вторых, следует всячески бороться с противопоставлением пролетарского государства массовым рабочим организациям. Конкретно—необходимо следить самым тщательным образом за взаимоотношениями государственных организаций и профсоюзов. Необходимо всемерно выпрямлять партийную линию в профсоюзах, против синдикалистских уклонов, против местной узко-профессионалистской точки зрения, противопоставляемой местами (правда, редко) государственной точке зрения, представляющей интерес пролетариата в целом и в развитии.

Борьба за повышение производительности труда в социалистической промышленности должна быть общей задачей и партийцев-хозяйственников и партийцев - профессионалистов.

В третьих, необходимо устранить значительную разницу в экономическом положении рабочих различных отраслей советской промышленности. Повышение заработной платы в ближайшее время, в первую очередь,

должно охватить наименее близкие к довоенному уровню группы рабочих. Широчайшая кампания с привлечением всех сил трудящихся по обеспечению безработных.

В четвертых — партийное единство. Борьба с уклонами, шатаниями, идеологической неустойчивостью — есть залог этого единства ленинской коммунистической партии.

Одновременно — борьба с такими уклонами в партийных организациях, которые имеют своим об'ективным смыслом расщепление партии. Внимательнейшее наблюдение за ассимиляцией новых кадров партии, вовлечение в работу молодняка и т. д и т. п.

Умело преодолевая внутреннюю неслаженность, обеспечивая единство действия всех наших организаций, представляя нашей партией единую, крепкую, единодействующую организацию—мы несомненно будем в борьбе с капитализмом иметь новые успехи в ближайшее же время.

Надвигающаяся осень может обострить целый ряд отмеченных нами противоречий большей или меньшей серьезности. И именно к осени нужно себе ясно и точно отдать отчет в предстоящих трудностях, ибо предвидение есть первое условие победы.

Н. Бухарин.

Противоречия современного капитализма.

В «Теориях прибавочной ценности» Маркс определяет апологетику, как такую систему взглядов на капитализм, которая видит единство капиталистических отношений, но не видит их внутренних противоречий, не дает анализа этих противоречий, не может понять капиталистического общества, как единства противоположностей, а потому не в состоянии правильно схватить внутреннюю механику капиталистического развития.

Коммунистическое общество есть общество организованное, «плановое», рационально развивающееся, обладающее способностью управлять своей собственной эволюцией. Капитализм подготовляет это общество, создает предпосылки будущей всесторонней организованности. Но эта историческая миссия капитализма своим пределом имеет вовсе не организованное общество, а величайший взрыв общественных противоречий, революцию. С другой стороны, у могилы капиталистического режима стоит не только возросший до последних границ классовый антагонизм, сильнейший динамит современности. Здесь воспроизведены на наивысшей ступени все противоречия капитализма: кризисы, конкуренция, войны. Революционно-марксистская теория рассматривает все движение капиталистического общества с точки зрения расширенного воспроизводства капиталистических противоречий: только тогда может быть дана картина буржуазного мира, соответствующая действительности.

Теперь человечество — и его пролетарская часть, и мародеры буржуазии — подводит баланс мировой войны, первой всесветной империалистской потасовки. Подводят этот баланс и социал-демократические апологеты капитализма, ex-министры буржуазных — королевских и республиканских — дворов, взыскующие мирного жития quasi-марксистские обыватели, универсально закутанные в пухлый халат дрянненького вильсонизированного марксизма, окропленного кровью жертв «демократического» режима Носке и К-о.

Таков г. Рудольф Гильфердинг, быстро вытесняющий на теоретическом кладбище социал-демократии своего крестного отца, учителя и наставника, Карла Каутского.

В № 1 своего журнала «Die Gesellschaft» («Общество») г. Гильфердинг поместил программно-теоретическую статью: «Проблемы времени». Мы не имеем возможности останавливаться на всех пунктах этой статьи, тем более, что о ней писали уже другие товарищи. Но нам хотелось бы все же сказать несколько слов по поводу некоторых рассуждений г. Гильфердинга.

Прежде всего проблема «организованного капитализма». Это, действительно, одна из «проблем времени». Но что дает нам здесь социал-демократическая теория?

Г. Гильфердинг совершенно правильно отмечает дальнейшую концентрацию и централизацию капитала, рост монополистических союзов etc.

«Это есть переход от капитализма свободной конкуренции к организованному капитализму».

«Одновременно с этим растет сознательный порядок и руководство хозяйством, которые имеют тенденции преодолеть имманентную анархию капитализма свободной конкуренции на капиталистическом же базисе».

Что же тут удивительного? Разве эта тенденция не отмечалась сотни раз и в нашей, коммунистической, литературе?

Да, отмечалась. Но только совсем «на другой манер», не так, как у г. Гильфердинга.

Этот последний не понимает, не видит, не хочет видеть, что тенденция к организованности развивается тоже в антагонистических, противоречивых формах. Апологет капитализма эти противоречия замалчивает, замалчивает то самое, что в первую голову должен открывать марксистский анализ.

Г-ну Гильфердингу уже мерещится, что наступает эра организованного капитализма, сознательно руководимого, без кризисов, без безработицы, с устойчивой и мудро регулируемой зарплатой и так далее.

Но ничего подобного в действительности нет, и—что более существенно—быть не может. Ибо уничтожение свободной конкуренции внутри капиталистических стран, преодоление здесь производственной анархии в то же время означает усиление «свободной конкуренции» между странами, рост анархии мирового хозяйства, другими словами, расширенное воспроизводство капиталистических противоречий.

Только ограниченная точка зрения «национального хозяйства», которая стала провинциальной точкой зрения заштатных захудалых профессоров, живущих в plusquamperfectum'e, может «отмыслить» мировое хозяйство. Г. Гильфердинг отлично видит

это мировое хозяйство, когда до его уха доносится нежный звон американских долларов, этого чудесного элексира, оживляющего тощую немецкую марку, которая уже «три дня смердела», подобно евангельскому Лазарю, и которую раз и навсегда должен воскресить американский Христос в ботфортах генерала Дауэса. Но г. Гильфердинг слеп на оба глаза, когда нужно увидеть противоречия этого мирового хозяйства, глух на оба уха, когда эти противоречия кричат против апологетов отнюдь не мелодичными голосами.

Анархия «преодолена»! Кризисы «исчезают»! Но достаточно посмотреть хоть немного в лицо действительности, чтобы оставить эти поистине жалкие мечты. Мировое хозяйство сейчас менее едино, чем раньше—это признают решительно все исследователи. У всех на устах термины: «распад мирового хозяйства», «разложение мирового хозяйства» и т. д. А Гильфердинг с ясным лбом пишет о преодолении анархии.

Итак, на самом деле, реально, анархия капитализма не только не преодолена, она углубилась. Но она, действительно, изменила свою форму. Из дробной анархии бесчисленного количества отдельных маленьких хозяйственных тел, она превратилась в концентрированную борьбу империалистских громадин на мировом поле этой борьбы. Чем свирепее эта борьба, тем чудовищнее ее издержки. То же и с кризисами. Конечно, внутри возросших, укрупненных трестов анархия преодолевается, и внутренние «кризисы» здесь исчезают. Но было бы пустяковой и недостойной маниловщиной думать, что исчезают кризисы вообще. Недавний, крайне опустошительный, мировой кризис как будто бы должен был «вколотить диалетику» даже в социал-демократические черепа. Но, видимо, эти черепа так твердо утрамбованы прислужничеством, что их ничто уже не прошибет...

Однако, было бы несправедливостью по отношению к Р. Гильфердингу утверждать, что он совсем не понимает, где раки зимуют. Он, пожалуй, больше притворяется слепым и глухим: прося подаяния у богатых американских прохожих, разгуливающих по берлинскому проходному двору, он симулирует. Что-ж, и это в порядке вещей!

Г. Гильфердинг признает, что победа досталась англо-саксонскому капиталу; г. Гильфердинг готов помириться и с политической и с «духовной» «супрематией англо-саксов». И вот здесь то г. Гильфердинг и начинает открывать настоящий социал-демократический рай.

Марксизм до сих пор утверждал, что войны связаны с капитализмом нерасторжимой связью. Но наш «мыслитель» смело уничтожает этот «устаревший» взгляд.

Сперва он, подмигивая глазом в сторону «англо-саксов» с их превосходным «политическим и духовным habitus'ом», подползает на брюхе к «нужным» выводам:

«Интерес англо-саксонских государств, в особенности английского, идет больше по линии укрепления и организации уже завоеванного, а не по линии новой территориальной экспансии.... С этими интересами.... находится в полной гармонии интерес демократических... масс».

И далее, уже совсем откровенно:

«Разве капитализм действительно означает войну, так что мир может быть обеспечен только при полном его преодолении? Или-же можно создать путем последовательной (!) политики, которая ограничивает отдельные суверенитеты в пользу сверхгосударственной организации, новые формы политического миропорядка? Не дается-ли и здесь (?!! Н. Б.) больше места эволюционному развитию, чем это предполагалось до сих пор?».

И г. Гильфердинг дает понять, что он-то—горой за эволюцию против революции, за «Лигу Наций» против отдельных суверенитетов, за «англо-саксонскую» «суприматию», «habitus», доллар и прочие блага против тех событий, которые разыгрались в «восточной Европе» (и о которых он только презрительно бросает два слова—ведь, он «добросовестный», респектабельный «исследователь»!).

Итак, г. Рудольф Гильфердинг запоздало воскрешает «ультраимпериализм» Карла Каутского, который проповедывал сию утопию еще в начале войны. Замечательна «ирония истории»! До войны Каутский тоже ужасно восхищался английским политическим «habitus'ом», считал английский империализм совершенно невинненьким, прямо-таки оплотом мира и благоговения «во человецех». И вот теперь, после того, как англо-русско-французская подготовка к войне документально установлена, после того, как мир (очевидно, тоже в «эволюционном порядке!») чуть не лопнул и не захлебнулся в крови, мысль социал-демократических теоретиков возвращается к исходному своему пункту, диалектически обогащаясь по дороге утерей и последних остатков марксистской совести.

Итак, г-н Гильфердинг ставит (и бормочет в утвердительном смысле ответ) вопрос об «ультраимпериализме».

Вообще говоря, этот империалистический «союз союзов», «надгосударственная организация», единый «мировой трест» и т. д. мог бы быть осуществлен двумя путями:

или путем соглашения;

или путем борьбы и победы сильнейшей группы;

Надеяться на первый путь—н е л е п о. Ибо соглашение возможно и реально только тогда, когда имеется равенство сил, когда невероятна победа, когда борьба безысходна. А кто же будет утверждать, что теперь есть равенство сил?

Второй путь—путь победы. Гильфердинг «берет за основу» победу «англо-саксов»; англо-саксонская «суприматия» является у него ф а к т и ч е с к о й «Лигой Наций».

Но и это — иллюзия. Прежде всего, потому, что внутри этой «суприматии» нет никакого единства, а затем потому, что существует миллион д р у г и х противоречий, которые делают этот «рай» вполне иллюзорным.

Конечно, победа Америки на лицо. Но отсюда, как до звезды небесной, далек «организованный» Америкой мировой капитализм. Америка, быть может, и хотела бы «посадить на паек», по выражению тов. Троцкого, Европу. Но одно дело «план», а другое—реальная действительность. Е с л и - б ы не было других противоречий, не было внутриевропейских конфликтов, е с л и б ы не было колониальных брожений, которые сразу могут изменить картину мира; если бы не было Востока (брожения в Китае); е с л и б ы не было сопротивления рабочего класса, е с л и б ы не было японско-американского противоречия и так далее и тому подобное; другими словами, е с л и б ы не было того, что есть, и было бы то, чего нет (т.-е. если бы существовала только одна, да и то непомерно удлиненная пан-американская тенденция), т о г д а мы имели бы «американскую» Лигу Наций, надмировой трест и европейские пайки, диктуемые американским дядюшкой.

Наша тактика не может пройти мимо такого крупного явления, как исключительное превосходство Америки. Но, с другой стороны, она должна опираться на анализ п р о т и в о р е ч и й в первую голову. Этот анализ и есть основная задача нашей т е о р и и. Только тогда мы будем в состоянии правильно определить нашу тактику, когда картина действительности будет стоять перед нами во всей ее конкретной сложности, составным и самым важным элементом которой является наличие противоречивых тенденций.

А. Тальгеймер.

Очередная задача.

(К вопросу о программе Коминтерна).

I. V Конгресс Коминтерна о программе.

V конгресс Коминтерна, хотя он и не довел еще дело до окончательного завершения, сделал все же в программном вопросе неоспоримый шаг вперед.

Конгрессом принят официальный проект программы, который должен лечь в основу дальнейшей дискуссии по программному вопросу. Окончательно завершить дело выработки программы предстоит VI конгрессу. Проект, принятый V конгрессом, должен теперь подвергнуться проверке в свете нового о п ы т а ближайших полутора — двух лет и широкой критике всех секций Коминтерна. Если он эту проверку выдержит, — а мы думаем, что он выдержит ее с честью, — значит, он достиг степени зрелости, необходимой для столь важного орудия революционной организации масс и может стать программой партии мирового коммунистического движения. С другой сторны, для самих секций он явится пробным камнем зрелости в теоретических вопросах, а такое испытание крайне необходимо ради создания ясности в учете наших сил. Дабы не предоставить ход и использование дискуссии воле случая, конгресс постановил создать постоянную программную комиссию, которая бы руководила дискуссией и учла ее итоги.

До сих пор в дискуссии по программному вопросу принимали участие, главным образом, только русская и германская секции. Обсуждение программ следует расширить и углубить, как в смысле числа участвующих в нем секций, так и в смысле содержания дискуссии. Основное средство для этого — сделать все дискуссионные статьи возможно скорее доступными в и н т е р н а ц и о н а л ь н о м м а с ш т а б е всем секциям. Следует покончить с таким положением вещей, когда, например, в русских теоретических органах происходит широкая дискуссия по вопросу о накоплении капитала, теоретическом об'яснении империализма, оставаясь в то же время недоступной другим секциям из-за отсутствия переводов.

II. Попытки капиталистической реставрации и программа.

Глубочайшим образом затрагивают обсуждение программы и требуют в связи с проработкой программы тщательнейшего и углубленного рассмотрения, происходящие сейчас попытки капиталистической реставрации большого масштаба: решение комиссии экспертов по репарационному вопросу, попытки урегулирования валютного вопроса в Германии, Польше, Венгрии, переговоры о признании СССР де-юре и втягивание его в систему международных кредитов и займов.

Общий анализ экономической и политической системы капитализма в его последнем империалистическом этапе этим не нарушается. Иное дело — к о н к р е т н ы й анализ отдельных ступеней империализма.

Как уже Ленин отметил еще на II конгрессе, — на что ссылался в своем докладе о мировом экономическом положении и тов. Варга—теоретически нельзя доказать, выберется ли еще раз капитализм из после-военного кризиса или нет. Опыт и только опыт покажет, насколько созреет в отдельных странах рабочий класс и его коммунистическая партия к моменту неизбежного столкновения классов и государств, сопровождающих всякую попытку восстановления, возрождения капитализма. Только организованностью и подготовленностью рабочего класса решится вопрос о дальнейшем развертывании прорыва капиталистического фронта.

С попытками капиталистической реставрации теоретики II Интернационала (в особенности Гильфердинг) связывают самые несдержанные фантастические надежды: устранение империалистических конфликтов, создание миротворческого сверх-империализма, к а п и т а л и с т и ч е с к о е устранение анархии производства и установление планового хозяйства, которое затем должно перейти (так-же, как и государство) в готовом виде, путем мирного перехода от этапа к этапу в рамках буржуазной демократии в руки рабочего класса.

Наш анализ должен не только абстрактно, но и совершенно к о н к р е т н о показать всю необоснованность и неосуществимость этих реформистско-пацифистских фантасмагорий. Мы не должны только побеждать взглядом, связанные с этими попытками реставрации, вопросы; мы должны их разложить на составные части и показать, как частичное и временное сглаживание острых углов внутри системы империализма подготовляют новые междуклассовые и междугосударственные конфликты на более расширенной базе.

III. Теоретические пробелы.

Единственная обстоятельная критика имевшихся после IV конгресса проектов программы принадлежит перу т. Б о р и с а, который выступил с ней в теоретическом органе КП Германии «Ди Интернационале». Статью эту можно рассматривать как коллективное критическое выступление «ультра - левой» группы в КПГ. Тов. Б у х а р и н в своем докладе по программному вопросу на V конгрессе с достаточной обстоятельностью занялся критикой т. Бориса. Он показал, что она состоит частью в отходе к реформистским воззрениям, частью — в простом непонимании вопросов.

Положительное содержание этой критики весьма минимально, что же касается отрицательного, то здесь она имеет определенное симптоматическое значение. Она показывает, что в нашем тео-

ретическом анализе послевоенного капитализма имеются еще пробелы, неясности и недочеты, а, может быть, даже ошибки.

Более молодое поколение интересующихся теоретическими вопросами товарищей имеет перед собою «Капитал» и «Теории прибавочной стоимости» Маркса; оно находит здесь углубленную, развивающуюся со строгой систематичностью, математически точную, отчетливую, охватывающую всю совокупность явлений теорию капиталистической экономики при отношениях свободной конкуренции. Недостает, однако, еще такой же строгой и систематической, исходящей из основных явлений, теории капиталистической экономики при отношениях к капиталистической монополии. Для создания такой теории мы имеем уже ряд более или менее хорошо разработанных трудов, подготовительных работ, монографий, абстрактных попыток схематизации,—всеоб'емлющего же систематического построения все еще недостает. Или, говоря иначе: от «Капитала» к теории современного монополистического капитализма ведут пока лишь временные мостки, а не прочный мост. Нам кажется, что критика со стороны т. Бориса и других молодых товарищей (напр., критика, направленная против тов. Варга) является симптомом того, что эти пробелы, недочеты и противоречия дают себя уже чувствовать.

Причины этого недостатка углубленной теоретической работы ясны, как на ладони. Как в Советской России, так и на Западе революционная деятельность поглощала почти все силы. На Западе, в особенности за последний период, не хватало времени даже для воспитания новых, способных к самостоятельной теоретической работе товарищей. Мы наверняка, не будем больше иметь поколения, лучшие силы которого все свое время могли бы посвятить главным образом и в первую голову—теоретической работе. Период пролетарской революции требует постоянного комбинирования теоретической и практической работы.

Однако, это не избавляет нас от необходимости вплотную заняться вопросами как повышения общего теоретического уровня коммунистических партий, так и углубленной разработки теоретических проблем. Необходимо найти время для воспитания новых теоретических сил и для более широкой и интенсивной работы в области марксистской теории — теоретическая подготовка наших партий является одной из основных предпосылок и элементов их зрелости для победы, так же как и для социалистического строительства после победы.

Я укажу здесь только некоторые из имеющихся пробелов.

Теория денег оставлена нам Марксом лишь в черновой разработке. Анализ послевоенного хозяйства с его разнообразными и глубокими потрясениями в области валюты невозможно без охватывающей все эти явления теории денег, которая, с другой стороны, должна развертываться на основе оставленных Марксом общих положений. Как известно, тяжелые потрясения денежной и кредитной системы, явившиеся результатом французской революции и Наполеоновских войн, были опорным пунктом для исследований классической буржуазной экономии. Значительно более широкие и глубокие потрясения в этой области, имеющие место на более высокой стадии капиталистической системы и явившиеся результатом мировой войны должны стать опорным пунктом систематического, марксистского теоретического анализа. Пока есть только подготовительные работы и монографии—и больше ничего.

Недостает также обстоятельной, исчерпывающей весь накопившийся со времени работ Маркса и Энгельса гигантский фактический материал, теории кризисов.

Не хватает также теории образования денег при монополистических отношениях, основанной на капиталистическом законе стоимости.

Здесь мы перечислили, поскольку речь идет об анализе капиталистического хозяйства, лишь некоторые из имеющихся налицо важнейших пробелов.

В продолжающейся еще дискуссии о теории накопления и экономической основе империализма, мы видим начало углубления экономического анализа. Можно рассчитывать, что в этой области в недалеком будущем будет внесена окончательная ясность.

IV. Дебаты о тактике на V конгрессе и программа.

Дебаты о тактике на V конгрессе и вопросы программы не лишены, разумеется, взаимной связи. V конгресс вынес решение, чтобы в общую программу было введено определенное обоснование переходных лозунгов и частичных требований. V Конгресс подверг проверке как тактику единого фронта вообще, так и лозунг рабоче-крестьянского правительства в особенности. Эти дебаты оказали на стратегическо - тактическую часть программы влияние в том смысле, что ей теперь недостает конкретного изложения тактики единого фронта, а равно и точной формулировки понятия «рабоче - крестьянское правительство». По мнению автора, здесь остаются пробелы, которые так или иначе должны быть позднее заполнены. Наличный и дальнейший опыт должен будет подтвердить или отбросить то или иное из представленных на конгрессе воззрений и дискуссия по этим вопросам только тогда принесет пользу, если она будет питаться из источников вновь накопляемого опыта.

Ампутация также была произведена в вопросах «красной интервенции» и о союзе советских государств с буржуазными. Здесь это, однако, произошло не потому, что состоялся пересмотр существовавших воззрений, а потому что формулировка этих пунктов не является для программы обязательной.

V. Новое в проекте программы.

За основу для дополнений, изменений был взят проект, представленный т. Бухариным IV-му конгрессу, причем были приняты в расчет основные идеи всех других проектов так же, как весь материал, явившийся результатом дискуссий в программной комиссии.

Существенно новое в нынешнем проекте конгресса, в сравнении с прежде представленными, сводится к следующему:

1. Введение, излагающее цель программы, ставящее ее в связь с организацией Коммунистического Интернационала, с Коммунистическим Манифестом, с традициями Союза Коммунистов и I Интернационала и дающее отчетливое изложение мировоззрения революционного марксизма.

2. Изображение капиталистических кризисов расширено, в особенности с помощью привлечения момента потребления рабочего класса, как момента расширенного производства, производства рабочей силы и как основного элемента противоречий системы вообще и особенно периодических кризисов.

3. Введен анализ несоответствия между промышленным и сельско-хозяйственным производством и торможения роста сельско-хозяйственного производства в специфических условиях капитализма.

4. Классовое противоречие взято не только как момент анархии производства, как нечто в нее привходящее, а так же как база капиталистической системы эксплоатации.

5. В качестве одной из предпосылок для возникновения новой формы общества, которой предстоит прийти на смену капитализму, в программу введена марксистская теория, как выдающийся инструмент пролетарской борьбы.

6. Важнейшие до-капиталистические социально-хозяйственные формы — примитивный коммунизм, феодализм, рабовладельческое хозяйство, торговый капитал, простое товарное хозяйство—приводятся в связь с господством крупного капитала.

7. Экономические предпосылки существования рабочей аристократии в империалистических государствах, подкуп этой рабочей аристократии с помощью извлекаемых из колоний сверх-прибылей и связь этой рабочей аристократии с оппортунистическим течением внутри рабочего движения.

8. Возможность восстановления в том или ином месте капиталистического строя и дальнейшего развития производительных сил, как основа дальнейшего углубления противоречий системы, новых еще более гигантских конфликтов и как угроза дальнейшему существованию самого человеческого общества.

9. Фашизм (рядом с социал-демократией и после нее), как организованное крупной буржуазией, преимущественно мелко-буржуазное контр-революционное массовое движение, преследующее цель восстановить крепость расшатанного буржуазного классового господства.

10. Анализ общих, не только российских, сторон «новой экономической политики» и военного коммунизма, т. е. общих форм перехода к социалистическому хозяйству. К основным чертам новой экономической политики, имеющим общее значение, отнесены следующие:

а) освобождение мелких и средних предприятий от пролетарской национализации, поскольку, во-первых, рабочий класс в первой фазе диктатуры не располагает необходимыми организаторскими силами для руководства этими предприятиями и, во-вторых, для того, чтобы не восстанавливать против себя средних слоев;

б) разнородность форм хозяйства, начиная с социализированной крупной промышленности и коллективно обрабатываемых крупных поместий до частно-собственнических мелко-крестьянских и кустарно-ремесленных хозяйств;

в) применение капиталистических форм и методов хозяйственной деятельности (хозяйственная калькуляция, денежная форма расчета, организация торговли, вплоть до организации бирж и банков, применения системы премирования, сдельной заработной платы и т. д. на фабриках)—все это с целью обеспечения пролетариату возможности вытеснения отсталых форм хозяйства при помощи регулировки рыночных отношений и конкуренции с этими формами хозяйства;

г) применение методов кооперирования к мелкому и среднему крестьянству.

Основной чертой военного коммунизма признается преобладание цели революционно - стратегической; здесь имеется в виду подрыв материальной базы враждебных пролетариату слоев. Обеспечение рационального использования наличных запасов.

Конкретные формы и об'ем применения как нэпа, так и военного коммунизма, находятся во вполне определенном взаимоотношении.

11. Выработка нашей аграрной программы сообразно тезисам II и IV конгрессов.

12. К программному лозунгу права самоопределения народов присоединяется требование равноправия всех народностей, всех составных частей нации, отмены всех исключительных законов, направленных против той или иной народности, борьба против капиталистических законов, ограничивающих иммиграцию и пропаганда против всех видов шовинизма и национализма.

13. Роль коммунистической партии, как авангарда рабочего класса, как живого воплощения всего предыдущего опыта революционной борьбы, как вождя класса, путеводной нитью которому служит теория революционного марксизма, как выразителя общих и длительных интересов класса, как представителя и творца единства его идеологии, воли и действия, как спаянной воедино демократическим централизмом революционной боевой организации, своей преданностью делу революции и своим правильным революционным руководством создающей и укрепляющей связь с классом в целом.

14. Стратегия коммунистической партии. Завоевание большинства рабочего класса, профсоюзов, рабочей молодежи, работниц, кооперативов и т. д.

15. Тактические принципы общего характера: обоснование переходных лозунгов и частичных требований так же, как и тактики единого фронта.

16. Признаки революционной ситуации и тактика партии.

17. Разные типы стран и различного рода применение коммунистических принципов.

В основу деления на типы, главным образом, положено следующее: характер предстоящих отдельным странам революций и место, занимаемое той или иной страной в империалистической системе — экономической и политической.

Этот заключительный раздел должен служить непосредственным переходом к программам отдельных секций.

VI. Дискуссия.

В обсуждении проекта должны участвовать не только верхи партийных работников отдельных секций, но и низы организаций. Резолюция V конгресса не ставит рамок программной дискуссии. Дело назначенной Исполкомом программной комиссии и ЦК различных партий — позаботиться о том, чтобы программная дискуссия действительно захватила глубины партий и послужила бы толчком к распространению и углублению теоретической подготовки партии.

А. Панкратова.

Борьба за единство мирового профдвижения.

„Завоевание членов Профсоюзов идеями коммунизма идет везде и неудержимо вперед во всех странах,—идет оно неправильно и неравномерно, преодолевая тысячи препятствий,— но оно неудержимо идет вперед".

Из письма т. Ленина I Конгрессу Профинтерна.

Международная кампания борьбы за единство профдвижения.

Проблема единства профдвижения теоретически и практически была поставлена Профинтерном и Коминтерном уже со времени первых конгрессов.

Но никогда вопрос практического проведения этого единства не стоял так остро и так настойчиво, как сейчас. Перед лицом продолжающего наступление на рабочий класс мирового капитала и перед опасностью назревающего раскола рабочего движения, провоцируемого профсоюзной реформистской бюрократией, вопрос о единстве—не на словах, а на деле—был поставлен в порядок дня международных рабочих организаций самими пролетарскими массами.

Вот почему не только июльские заседания недавно закрывшихся международных конгрессов Коминтерна и Профинтерна прошли под знаменем борьбы за единство профдвижения, но и Венский конгресс Амстердамского Интернационала профсоюзов, происходивший в июне с. г., прикрыл свою раскольническую позицию лозунгами единства.

В настоящий момент во всем капиталистическом мире развертывается широкая кампания борьбы за единство мирового профдвижения.

Воссоединение разорванных частей профдвижения, сплочение широких пролетарских масс,—как исключенных или ушедших из союзов, так и неорганизованных вовсе,—в мощные революционные, готовые к боям с централизованной силой капитала, профсоюзы, собирание последних вокруг единого международного центра—Об'единенного Интернационала Профсоюзов, стоящего на позиции классовой борьбы, усиление работы революционных меньшинств в н у т р и п р о ф с о ю з о в и борьба их против профсо-

юзной бюрократии,—такова конкретная программа ведущейся кампании.

Эта кампания имеет единственной целью — завоевание масс для коммунизма.

Весь предшествующий опыт борьбы показал, что без завоевания большинства в рабочем классе, без массовой организации для этой цели—пролетарская революция победить не может.

Завоевание профсоюзов—не их аппарата, а об'единяемых ими миллионных пролетарских масс—путем энергичной борьбы за единство профдвижения—в настоящее время является ударной задачей коммунистических партий во всем мире.

Проблема единства и ленинизм.

«Профсоюзы,—писал тов. Ленин,—были гигантским прогрессом рабочего класса в начале развития капитализма, как переход от распыленности и беспомощности рабочих к начаткам классового об'единения». («Детская болезнь левизны», гл. VI).

Дальнейшее развитие пролетариата,—учил тов. Ленин,—возможно только тогда, когда партия научится воспитывать профсоюзы, руководить ими, не забывая, что профсоюзы долго еще будут «школой коммунизма». «Иначе, как через профсоюзы, через взаимодействие их с партией рабочего класса, нигде в мире развитие пролетариата не шло и итти не могло». (Там же).

Такая оценка роли профсоюзов определяла и тактику большевизма в вопросе о профсоюзах. Большевизм всегда считал профсоюзы центрами внутри, вокруг которых группируются широкие пролетарские массы, и поэтому тактика раскола профдвижения ни при каких обстоятельствах не была в арсенале оружия большевизма. Наоборот, ленинизм в профессиональном движении прежде всего обозначал борьбу против раскола,—борьбу за единство в профдвижении. Борьба с меньшевиками, руководившими русскими профсоюзами до Октябрьской революции и даже некоторое время после революции, велась исключительно внутри союзов, на почве повседневной борьбы, путем постепенного отрывания одной части пролетариата за другой—из-под влияния меньшевизма. Борьба за единство профсоюзов была органическим свойством «профессиональных раскольников»—большевиков. А отсюда и непременное требование ленинизма—«работать там, где есть масса».

«Надо уметь приносить всякие жертвы, преодолевать величайшие препятствия, чтобы систематически, упорно, настойчиво, терпеливо пропагандировать и агитировать как раз в тех учреждениях, обществах, союзах, хотя бы самых что ни на есть реакционных, где только есть пролетарская и полупролетарская масса»,—писал тов. Ленин, беспощадно критикуя позицию «левых» коммунистов Германии, призывавших к выходу из профсоюзов.

«Непростительной глупостью, которая равносильна наибольшей услуге, оказываемой коммунистами буржуазии», считал тов. Ленин выход из общих профсоюзов и создание новых «выдуманных форм рабочей организации». «Не работать внутри реакционных профсоюзов—это значит, оставить недостаточно развитые или отсталые рабочие массы под влиянием реакционных вождей, аген-

тов буржуазии, рабочих аристократов или «обуржуазившихся рабочих», писал в той же брошюре тов. Ленин (гл. VI «Следует ли революционерам работать в реакционных профсоюзах»).

Именно это принципиальное положение ленинизма в вопросе о профсоюзах и определило позицию Коминтерна и Профинтерна, с самого их основания и до сих пор, в вопросе об единстве профдвижения.

Реформизм и коммунизм в вопросе об едином пролетарском фронте.

Реформистская социал-демократия в своей борьбе все еще исходит из предположения, что капитализм крепок и нерушим, что социальная революция—вопрос далекого будущего, что внутри капиталистического общества и государства рабочий класс может и должен, путем частичных реформ, завоевать себе известное политическое влияние и место.

Не замечая или не считаясь с тем, что эта старая, еще со времен Лассаля проводимая, тактика организации масс вокруг частичных требований, уже не отвечает ни степени развития капитализма, ни изменившейся политической мировой ситуации, ни возросшей политической и экономической роли пролетариата, реформизм все дальше уходит от конечной цели борьбы—за социализм—и все ближе смыкается с буржуазией в ее требованиях и целях.

Катясь по наклонной плоскости соглашения и единства—в целях и действиях—с буржуазией, реформистская социал-демократия правым своим крылом срастается с последней, фашизируется вместе с ней и все дальше уходит от единого пролетарского фронта на линию единого фронта с буржуазией.

Коммунистическая партия также не отказывается от борьбы за отдельные требования и реформы, касающиеся повседневных нужд пролетарских масс. Но она не выдвигает их, в качестве основных и конечных. Наоборот, она стремится, во имя этих насущных нужд пролетариата, оказать возможно большее давление на капиталистическое государство, перейти в непосредственную борьбу против буржуазии, и частичные, отдельные требования и реформы превратить или связать с революционными лозунгами и требованиями, сделать их первыми шагами по пути завоевания пролетариатом власти.

В этой своей позиции компартия исходит из совершенно иной оценки эпохи, нежели реформисты. Мы,—говорит она,—вступили в эпоху социальной революции, острого кризиса и быстрого разложения капитализма. Пролетариат—уже во имя самосохранения—не может и не должен ограничиться каким-нибудь одним или совокупностью частичных требований. Он вынужден наступать,—даже обороняясь,—по всему фронту борьбы с капиталом. Положение требует использовывать все нужды пролетариата, в целях пролетарского массового выступления. Единство рабочего класса, его солидарность и сплоченность, тактика совместного нажима на капитализм—вот единственно-правильный и возможный путь пролетарской борьбы в настоящий момент.

На этом пути предстоит ряд побед и поражений, сменяемых короткими промежутками перемирия. Каждую из этих стадий

борьбы необходимо использовать для дальнейшего укрепления своих боевых позиций, прежде всего, увеличением борющихся кадров, привлечением к борьбе, путем агитации, пропаганды или частичных выступлений за повседневные нужды пролетариата, все новых и новых масс.

Когда капитал в 1920—21 году развернул свое наступление против пролетариата, а рабочий класс еще не был—в своем большинстве—готов к борьбе за диктатуру пролетариата, коммунисты, исходя именно из этой принципиальной оценки положения, сразу правильно нащупали тактику дальнейшей борьбы—тактику единого пролетарского фронта.

Эта тактика, несмотря на отдельные ошибки, при ее проведении в той или иной стране, верна и поныне, ибо наступление капитала все еще продолжается, а пролетариат все еще не в состоянии перейти в широкое контр-наступление.

Тактика единого фронта в профдвижении—разновидность этой старой, в классовых боях испытанной, тактики, имеющей целью—от борьбы с реформистами внутри массовых организаций перейти, опираясь на отвоеванные у них массы, к последнему бою—и против капитализма, и против реформизма.

Мировой экономический кризис и наступление капитала.

Мнимо-благоприятная кон'юнктура в 1918—19 г. заставляла мировой капитал итти на некоторые уступки рабочему классу, проявлявшему в этот период ликвидации войны особенно боевую активность.

Рабочие Германии, Англии, Америки добились в эти годы такого повышения заработной платы, какого не могли добиться даже во время войны. Повсеместно был введен 8-часовой рабочий день для большинства рабочих—именно в 1919 г. В Англии и Германии, под нажимом масс, реформисты выступили с проектами национализации некоторых отраслей промышленности. Стачечная волна во всех странах значительно повысилась, результатом чего было всеобщее улучшение положения рабочего класса, ибо капитализм держался оборонительной тактики и шел на уступки. Но уже 1920 год—год неудачной для нас войны с Польшей и поражения итальянских и германских рабочих—знаменует перелом в международном рабочем движении.

Результаты войны и экономические последствия Версальского мира сказались в обострении мирового экономического кризиса. Сильная безработица, явившаяся в результате кризиса, сломила сопротивление и приостановила дальнейшее наступление рабочих. Боевая активность пролетариата, а вместе с нею и общий жизненный уровень его пошли на резкое понижение.

В 1918 г. в Англии бастовало 1.000.000 раб. с общей продолжительностью 6.730.000 дней. В 1919 г. число бастовавших увеличилось до 2.500.000 раб. в течение 34.000.000 дней. В 1920 г. число бастовавших уменьшилось до 2.000.000 чел. в течение 27.000.000 дней, а в 1921 г. бастовало всего 118.000 рабочих.

Приблизительно в таком же соотношении уменьшилась сопротивляемость рабочих и в других странах.

В 1922—23 г. мировой экономический кризис углубился. Возможности восстановления капиталистического хозяйства,

вследствие общего разрушения производительных сил, из-за изнашивания орудий производства, общего сокращения производства, в сравнении с довоенными и т. п., стали еще меньше. На шестом году после окончания войны общая сумма европейского производства понизилась до 70% своей довоенной величины. Покупательная способность европейских рынков, вследствие сильного понижения жизненного уровня масс, также значительно сузилась.

С другой стороны, борьба за постепенное экономическое и политическое освобождение колониальных и полуколониальных стран сократила возможность вывоза продуктов европейского производства на внеевропейские рынки.

В 1923—24 г. мировой экономический кризис принимает несколько своеобразный и даже скрытый характер. Он углубляется в одних странах (Германия) и как будто смягчается в других (Франция, Англия). Рурская оккупация, ценой дезорганизации хозяйственных основ средней Европы, дает видимость некоторого экономического оживления в странах-победительницах. Но послеверсальская Европа в хозяйственном отношении остается все также разорванной на части, с неизжитыми противоречиями, вызывающими глубокий экономический кризис. Проявлением последнего явились финансовая катастрофа в Германии и общий финансовый хаос в Европе. Такое экономическое положение Европы заставило капитал искать путей и способов спасения в усиленном наступлении на рабочий класс, с целью не только отнять завоевания предшествующих лет, но и в дальнейшем понизить до крайности его жизненный уровень.

Наступление капитала на 8-часовой рабочий день и на заработную плату дало следующие результаты.

Возьмем для примера Англию, как страну, наиболее устойчивую, ибо положение в других странах и, особенно, в Германии, было еще катастрофичнее.

В 1919 г. сокращения рабочего дня в Англии добились 6.000.000 рабочих, в общем, 6 недельных часов; в 1920 г.—полмиллиона рабочих на 3½ часа в неделю. В течение 1921—23 г.г. работали ежедневно 8 час. только процентов 60 рабочих. В 1923 г. шахтовладельцы пытались удлинить рабочий день углекопов, но встретили со стороны рабочих дружный отпор.

Еще хуже с оплатой труда. В 1920 г. повышение зар. платы приостановилось, а с 1921 по 1924 г. идет систематическое понижение.

В 1921 году оно коснулось 7.200.000 рабочих на сумму 300 милл. фунтов стерлингов.

В 1922 г. понижение зарплаты для 7.600.000 рабочих выразилось в сумме 220 миллионов фунтов.

В 1923 г.—3.000.000 рабочих на сумму 25.000.000 фунт.

И только в 1924 г. общая сумма месячной зарплаты повысилась для миллиона рабочих на 35.000 ф. ст., а для 480.000 раб. снизилась на 100.000 ф. ст.

Профинтерн и Амстердамский Интернационал перед лицом наступающего капитала.

Капитал развернул, таким образом, наступление по всему фронту. В ряде стран 8-часовой рабочий день был не только отме-

нен на практике, но и узаконен соответствующими постановлениями. При помощи реформистов рабочий класс, хотя и сопротивляясь, все же должен был уступить в вопросе о 8-часовом рабочем дне.

Наступление капитала облегчилось той огромной безработицей, какая, в результате кризиса, наступила во всех странах. Несмотря на некоторое оживление промышленности, даже в настоящее время в Англии зарегистрировано (к 1 мая 1924 г.) на бирже труда 1.040.000 безработных и не менее полмиллиона безработных на бирже труда в это время зарегистрировано не было.

В 1924 г. безработица (по официальным данным) уменьшилась на 9% против 14%, в декабре 1922 г. Но в отдельных производствах—причем среди рабочих основных отраслей промышленности—процент безработных значительно выше: среди текстильщиков—11,9%, среди металлистов—15,8% и среди транспортников—20,6% (данные к 25 февраля с. г.).

Армия безработных во всей Европе превышает в настоящее время 8—9 милл. человек, а вместе с семьями число доведенного до нищеты рабочего населения Европы достигает 18—20 милл. человек. Но буржуазия не только стремится отнять у пролетариата его экономические завоевания после войны, но и приспособить целям наступления на рабочий класс весь аппарат государственной власти. В помощь наступающему капиталу выступил целый ряд специально-созданных штрейкбрехерских организаций («Техническая помощь» в Германии, «Союз гражданских лиг» во Франции, «Союз общей взаимопомощи» в Польше, «Ку-Клукс Клан» в Америке и т. п.). Но, пожалуй, самую надежную помощь, в качестве штрейкбрехеров, оказывают капиталу реформистские профсоюзные вожди, срывая, с помощью находящихся в их руках профсоюзов, всякое крупное боевое выступление пролетариата (стачки докеров и жел.-дор. Англии, горнорабочих Франции, металлистов Германии и т. п.). Наступление капитала не встречает никакого сопротивления со стороны реформистских союзов. Наоборот, профсоюзные вожди заключают с капиталом тесный союз, подчиняя интересы рабочих масс интересам «восстановления хозяйственного организма» капиталистических государств.

Таким образом, концентрированным силам наступающего капитала повсюду противопоставляется разрозненное и распыленное сопротивление рабочих. Революционная оппозиция и примыкающие к Профинтерну союзы, правда, всегда становятся во главе стихийной борьбы рабочих масс, но им одним слишком трудно вести неравные бои с капиталом.

И все же борьба с наступлением капитала постепенно захватывает все более широкие рабочие массы, организующие ряд самостоятельных стачечных выступлений без согласия профсоюзов (так назыв. «дикие стачки, наприм., стачка в Саутгемптоне в Англии, Людвигсгафенская стачка в Германии и ряд других).

Профинтерн, равно, как и примыкающие к нему отдельные профорганизации, учитывая вредные последствия этой разрозненной, разбивающей силы пролетариата, борьбы, неоднократно обращались к Амстердамскому Интернационалу с предложением о создании единого фронта борьбы с наступающим капиталом.

Этой борьбой за единый фронт против наступления капитала

и за единство профдвижения заполнена вся история существования Красного Интернационала Профсоюзов.

Коминтерн и его роль в борьбе за единство профдвижения.

Общая тактика революционных профсоюзов была ясно намечена еще резолюцией II конгресса Коминтерна (июль—август 1920 года). II конгресс разоблачил предательскую, реформистскую сущность только что созданного Амстердамского Интернационала Профсоюзов и об'явил его желтым об'единением Международного Бюро Труда при Лиге Наций. Но одновременно конгресс указал на безусловную необходимость работы в профсоюзах и на опасность добровольного устранения из профсоюзов или создания искусственных проф. об'единений.

Третий конгресс Коминтерна (июнь—июль 1921 г.), устами тов. Зиновьева, дал блестящую характеристику сущности и роли Амстердама, а также значения и условий борьбы с ним.

Борьба с Амстердамом—не простая фракционная борьба внутри профессионального движения. Это—классовая борьба. И она тем сложнее и запутаннее, что происходит на почве профессионального движения.

— Но,—говорит тов. Зиновьев,—если мы в этой борьбе победим, если мы разрушим этот последний бастион мировой буржуазии, то девять десятых наших трудностей будут преодолены. Амстердам — это новый продукт переходного послевоенного периода. Это—узловой пункт мировой реакции. И для нас нет более важной практической задачи во всем пролетарском движении, чем обнаружение подлинного лица Амстердама.

Каким же образом?

Третий конгресс дал определенный ответ: путем завоевания профсоюзов, путем участия во всей будничной и мелкой работе пролетариата, путем неустанной пропаганды идей коммунизма и систематической упорной подготовкой рабочих масс к предстоящим боям.

Лозунг III конгресса—«в массы»—остался целиком и для периода между III и IV конгрессами (12 июля 1921 г.—5 ноября 1922 года), когда капитал предпринимал общее, систематическое наступление против рабочего класса.

Успешное наступление капитала, проигранные стачки, длительная безработица и нужда, отсутствие помощи и поддержки со стороны профсоюзов, раздробленность сил пролетариата,—все это вызывало, с одной стороны, разочарование и уход широких масс из профсоюзов, с другой—рост революционной оппозиции среди оставшихся в союзах.

Численность экономических организаций пролетариата понизилась: профсоюзы, насчитывающие в 1920 г. около 25 милл., в 1922 г. имели не более 18 милл. а в настоящее время—не более 14 милл. членов.

С другой стороны, амстердамцы перешли к тактике организации расколов в профсоюзах, по мере того, как усиливалось внутри их революционное меньшинство и оппозиция официальной линии. Во Франции, Чехо-Словакии, Италии, а в последний год особенно в Германии, амстердамцы стали исключать не только от-

дельных членов профсоюзов—сторонников коммунизма, но и целые профсоюзы и даже их местные об'единения.

Рабочему классу угрожала серьезная опасность полного распыления и обессиления. И Коминтерн на мартовском пленуме 1922 г. должен был констатировать: «Амстердам оказался сильнее, чем мы думали, ибо буржуазия оказалась сильней. Но из этого только следует, что мы должны с еще большей энергией работать в профсоюзах». Пленум высказался за продолжение прежней линии в профдвижении: борьба против расколов, за единство профдвижения и завоевание профсоюзов изнутри.

Четвертый конгресс Коминтерна еще раз подчеркнул лозунг единства профсоюзов, особенно потому, что амстердамцы подготовляли раскол.

И, наконец, пятый—только что закончившийся—конгресс поставил вопрос о борьбе за единство в качестве актуальнейшей задачи ближайшего времени.

Профинтерн в борьбе за единый фронт и за единство профдвижения.

Если конгрессы Коминтерна определяли общую принципиальную позицию в вопросе о профсоюзах, то конгрессы Профинтерна давали уже практические, конкретные лозунги и директивы. Такой практической директивой была резолюция II конгресса Профинтерна, определявшая те элементарные задачи единого фронта, которые должны быть выполнены для борьбы с наступавшим капиталом.

Борьба против понижения зарплаты, за 8-ми часовой рабочий день, за охрану труда и социальное страхование, за права фабзавкомов, борьба против безработицы и штрейкбрехерских организаций,—вот программа конкретных требований пролетариата, которая должна была об'единить самые широкие рабочие массы.

II конгресс с полной определенностью высказался против раскола и за единый фронт: «Всякий раскол рабочих—говорит резолюция—это победа для капиталистов. Для того, чтобы нынешнюю оборонительную борьбу превратить в наступательную, необходимо прежде всего создать единый фронт».

Ответственность за раскол целиком и полностью должна нести профсоюзная бюрократия. Профинтерн и Коминтерн всегда первые брали на себя инициативу борьбы за единство профдвижения и неоднократно обращались к реформистам с предложениями единого фронта. Первой такой значительной попыткой осуществления единого фронта была берлинская конференция Исполкомов трех Интернационалов (2—5 апреля 1922 г.), избравшая—недолго после того просуществовавший — 9 членный Организационный Комитет, в числе задач которого была задача «неофициального об'яснения с Амстердамским Интернационалом Профсоюзов и с Красным Профинтерном, с целью изучения вопроса о восстановлении единого фронта профессиональных союзов в национальном и международном масштабе».

Ни конференция, ни избранная ею «комиссия девяти» ничего, однако, не сделали реального в этом направлении.

Вскоре после II конгресса Профинтерна, по почину уже Амстердамского Интернационала профсоюзов, был создан так называемый «Международный Конгресс Мира» в Гааге (10—15 декабря 1922 года). Профинтерн не получил приглашения, но ВЦСПС включил в свою делегацию членов Профинтерна. Русская делегация предложила конгрессу резолюцию о создании единого фронта; первый пункт резолюции выдвигал требование создания международного комитета из 3 политических и 2 профсоюзных интернационалов для об'единения всей борьбы пролетариата. Резолюция требовала также выработки мероприятий против дальнейшего раскола профсоюзов. Но предложение русской делегации об установлении единства профдвижения осталось без ответа, а резолюция была отклонена. Реформисты еще раз предпочли создать единый фронт с буржуазией и буржуазными пацифистами, чем с революционными рабочими.

Следующим этапом на пути к единому пролетарскому фронту была международная конференция коммунистических партий и революционных профессиональных организаций, собравшаяся в Эссене 6—7 января 1923 г. Конференция—перед опасностью рурской борьбы и нового наступления империализма на рабочий класс — конкретно поставила вопрос о создании единого пролетарского фронта и о методах борьбы с империалистической опасностью.

Вскоре после Эссенской конференции Коминтерн и Профинтерн,—уже поставленные перед фактом Рурской оккупации, — выступили с новым обращением ко II и к Амстердамскому Интернационалам, предлагая им единый фронт.

Но как призыв Эссенской конференции, так и это обращение 15 января 1923 г. остались без каких-либо практических последствий.

Между тем, угроза войны продолжала волновать рабочий класс. Необходимость найти такую платформу, на которой можно было бы об'единить пролетариат всех стран и сорганизовать его вокруг единого фронта борьбы против империализма, заставляла требовать установления единого фронта самые широкие массы.

Инициативой, шедшей из низов, — фабзавкомами из Рейнско-Вестфальской области—была созвана международная конференция всех рабочих организаций Европы, без различия политических направлений, состоявшаяся во Франкфурте (17—20 марта 1923 года).

Верхушки реформистских политических и профессиональных организаций бойкотировали франкфуртскую конференцию и даже повели против нее борьбу, призывая рабочих не принимать в ней участия. И все же тяга к единству в рабочем классе была так велика, что, вопреки решению своих вождей, на конференции присутствовали даже социал-демократические рабочие. Всего участвовало в работах конференции 50 делегатов-представителей революционных организаций всей Европы. Конференция постановила послать делегацию к Амстердамскому Интернационалу для создания, совместно с ним, единого фронта борьбы против Версальского договора, оккупации Рура и против наступающего капитала. Но, как и раньше, Амстердам отклонил это предложение. И все же Франкфуртская конференция—помимо и против воли Амстердама—внесла в ряды реформистских рабочих революцион-

ные идеи и выработала такие резолюции, которые сделали возможным привлечение к революционным лозунгам и тактике Профинтерна новых слоев рабочего класса, до сих пор находившихся под безраздельным влиянием реформизма.

Профинтерн продолжал мобилизовать массы вокруг лозунгов единства, определив на III сессии Центрального Совета Профинтерна (25 июня—2 июля 1923 года) следующим образом задачи революционных рабочих в борьбе за единый фронт и единство профдвижения:

«Совместные действия рабочих всех направлений являются предпосылкой успешной экономической борьбы и противодействия наступающему капиталу. Единый фронт—есть шаг к восстановлению единого национального и международного профдвижения. Это нужно сделать ясным каждому пролетарию. Центральной задачей в этой области является организационное построение единого фронта».

Органы борьбы за единство—международные комитеты пропаганды и фабзавкомы.

Каким образом—какими органами — осуществлял Профинтерн до сих пор эту свою центральную задачу — организационное построение единства?

Такими органами, в первую очередь, являлись международные комитеты пропаганды, а в некоторых странах, как в Германии,—определенное время и в определенных условиях, — фабзавкомы и близкие к ним—комитеты действия, контрольные комиссии, красные пролетарские сотни и т. п. массовые организации.

Задачи международных комитетов пропаганды резолюция III сессии Профинтерна определила таким образом:

«Основной задачей революционных союзов и созданных ими международных комитетов пропаганды является дальнейшее усиление пропаганды за единство и революционизирование существующих производственных интернационалов. Они должны решительно бороться против раскалывания профдвижения и исключения революционных элементов».

Осуществляя свои задачи, определенные таким образом Профинтерном, международные комитеты пропаганды ведут серьезную борьбу за об'единение всех рабочих данного производства в едином производственном Интернационале. Однако, это об'единение встречает самое серьезное противодействие со стороны Амстердама. Резолюция, принятая Амстердамом 8 ноября 1923 г., категорически воспрещает в какой-либо форме примыкать к какому-нибудь другому Интернационалу или входить в национальный профсоюзный центр, занимающий враждебную позицию к Амстердаму. Такого рода резолюция должна быть понята, как отказ Амстердама от единства профдвижения, поскольку запрещается об'единять в одном Интернационале разрозненные части профдвижения.

Добиться об'единения удалось пока только МКП пищевиков. В октябре 1923 г. в Интернационал пищевиков был принят русский союз пищевиков, а МКП, как выполнивший свою задачу, был распущен.

Большей или меньшей степени соглашения и единства добились также международные комитеты пропаганды металлистов, коммунальников, просвещенцев и транспортников. Особенно интересна борьба за создание единого фронта у транспортников.

В международном об'единении транспортников положение происходило очень быстро и сказалось не только на рабочих массах, но и на вождях. Благодаря этому, удалось, по инициативе русских транспортников, созвать в Берлине 23—24 мая 1924 г. международную конференцию транспортников, принявшую следующее знаменитое постановление об единстве:

«Признать необходимым восстановление единства профдвижения и обратиться с призывом ко всем национальным и международным профорганизациям последовать примеру транспортников и приступить к единству действий».

Но Бюро Амстердамского Интернационала открыло немедленную кампанию против этих решений, заявив, что «как созыв конференции, так и обнародование временного манифеста произошли без ведома Бюро, и потому последнее слагает с себя всякую ответственность за них».

Фабзавкомам также пришлось сыграть — особенно в Германии, где движение фабзавкомов приняло в 1922—23 г. широкий массовый характер, — немалую роль в проведении единого пролетарского фронта. С помощью фабзавкомов германский пролетариат создавал и другие органы единства — комитеты действия контрольные комиссии, пролетарские сотни и т. п., но деятельность всех этих организаций закончилась вместе с концом революционного движения в ноябре 1923 года.

Фабзавкомы, являясь органами пролетарской революции по преимуществу, вели ожесточенную борьбу с реформистской профсоюзной бюрократией. У части революционных рабочих даже являлась тенденция немедленно сделать фабзавкомы единственной формой экономического движения пролетариата, заменив ими реформистские профсоюзы. Эта вредная тенденция, вытекающая из неправильной оценки роли как профсоюзов, так и фабзавкомов, была, однако, вскоре ликвидирована.

Амстердамский Интернационал—организатор раскола рабочего движения.

Как относился Амстердамский Интернационал к неоднократным предложениям Профинтерна восстановить единство в профдвижении мы уже видели.

Амстердам, прикрываясь лозунгами и декларациями единства, обвиняя на всех перекрестках «московских раскольников» в нежелании этого единства,—на самом деле проводил глубочайшую раскольническую работу, результаты которой не замедлили сказаться в ряде стран, где профдвижение оказалось фактически расколотым, как это случилось во Франции и Чехо-Словакии. Уже при первых симптомах раскола во французском профдвижении Профинтерн предложил Амстердаму совместно вмешаться и предотвратить раскол Всеобщей Конфедерации Труда во Франции. Но Амстердам, выразив свое удовлетворение по поводу раскола, явившегося будто-бы результатом деятельности Коминтерна и Профинтерна, предложил отложить Конгресс Единства. Французские

амстердамцы хорошо подготовили раскол, сделав его неизбежным: они исключили из Конфедерации Труда большинство железнодорожников, исключили 20.000 стачечников Туркуэна, выбросили из федерации служащих, из федерации медицинских работников и других—ряд революционных местных союзов и т. п.

В Швейцарии также амстердамцами был исключен—единственно по причине своей революционности — ряд местных отделений профсоюза металлистов.

В Чехо-Словакии за революционность же было исключено 20.000 текстильщиков, а также исключены союзы деревообделочников и химиков—всего более 100.000 человек.

В Германии в течение 1922—23 г. прошла такая волна исключений из профсоюзов — в одиночку и целыми союзами — какой не было до того еще ни в одной стране. К Германии нам еще придется вернуться.

В Норвегии, где большинство рабочих 75% за Профинтерн—реформистское меньшинство угрожает немедленным расколом, в случае присоединения большинства к Профинтерну.

Такая же тактика роспуска целых союзов (в Варшаве, Лодзи), исключения отдельных членов, арестов коммунистических руководителей профсоюза и т. п. отличает и польских амстердамцев.

А наряду с репрессиями против революционных национальных союзов, Амстердам продолжает упорную борьбу против всяких революционных тенденций в международных федерациях по производству. Русские союзы не только не включаются в состав международных производственных интернационалов, но и — как правило,—не допускаются на их международные с'езды. И все-же Профинтерн и все его организации не только не отказывались, но усиливали свою борьбу против раскольнической политики Амстердама и за единство профдвижения. Идя на известные уступки и временные отступления от своих прав, ради сохранения единства в профдвижении, Профинтерн предлагал своим сторонникам оставаться в профсоюзах до последней возможности, а в случае исключения, продолжать борьбу за новое включение в состав обоих союзов.

Силы Профинтерна и Амстердам.

Исходит ли эта борьба за единство из слабости Профинтерна, как об этом любят кричать амстердамцы?

Отнюдь нет, ибо не только по своему удельному весу, но и по численности Профинтерн не представляет такой уж незначительной силы.

В отчете Венскому конгрессу (июнь 1924 г.) Амстердамский Интернационал насчитывает в рядах своих 22 организаций (из них 19 в Европе, 3—вне Европы: Палестина, Канада и Южная Африка) с общим числом членов в 16.528.072.

Еще недавно Амстердам утверждал, что насчитывает не менее 24 миллионов членов.

Но действительные цифры даже меньше указанных в отчете 16½ миллионов, ибо отчет считает, например, в АДДВ (германское об'единение профсоюзов) — 7.200.000, тогда как оно имеет сейчас не более 5.000.000 членов; в реформистской конфедерации

Труда Франции насчитывает 750.000 членов, а в ней не более — 250.000, в Италии показывает 212.000, а на самом деле там не более 110.000 и т. п.

Так что с необходимыми поправками за Амстердамом во всем мире идет сейчас 10.000.000 рабочих [1]).

Что же представляет из себя численная сила Профинтерна?

Профинтерн об'единяет целые организации, отдельные союзы, меньшинства и группы 29 стран, при чем его организации находятся не только в Европе, но и решительно во всех частях света.

Но своих сторонников Профинтерн имеет и внутри реформистских союзов, которых численно учесть трудно и влияние которых сказывается обычно во всяких кампаниях и выборах. Во всяком случае, не менее ⅓ тех, кого Амстердам считает своими, фактически идут за Профинтерном.

Все организации, примыкающие к Профинтерну, могут быть разбиты на следующие группы:

1) Страны, общепрофессиональные центры которых целиком примыкают к Профинтерну:

СССР—(5.200.000), Австралия (400.000), Египет (50.000), Эстония (25.000), Персия (20.000), Ява (27.000), Чили (150.000).

2) Страны, где рядом с реформистскими существуют и параллельные революционные организации:

Франция (450.000), Чехо-Словакия (230.000), Голландия — (15.000), Латвия (15.000), Бельгия (15.000), Бразилия (40.000), Япония (неизвестно), Германия (Унион и независимые союзы 200,000), Греция (20.000).

3) Страны, где имеется серьезная оппозиция *внутри реформистских союзов*:

Германия (2.500.000), Польша (50%), Соединенные Штаты—(2.000.000), Италия (50%), Норвегия (50.000), Швеция (40.000), Австрия (100.000), Дания (10.000).

4) Страны, которые политически с нами, но по полицейским условиям не могут присоединиться к Профинтерну.

Финляндия (48.000), Юго-Славия, Румыния, Болгария, Италия, Испания.

5) Страны с национальными профсоюзами, внутри которых мы имеем своих сторонников:

Индия, Ирландия, Китай, Корея, Турция.

Каковы выводы?

Соотношение сил не дает права Амстердаму особенно гордиться: в Германии наши силы почти равны, во Франции мы имеем большинство, больше 60%, в Италии — 50%, в России — 100%, в Англии—от 20—25% и т. п.

Правда, *формально*, численно Профинтерн еще меньше Амстердама, но *фактически* наши силы более значительны, ибо всюду, где есть малейшая возможность, сторонники Профинтерна остаются *внутри* реформистских союзов.

---

[1]) Все цифровые данные взяты нами из отчетов Профинтерна, в частности, из последнего отчета Исполбюро III конгрессу Профинтерна, состоящемуся в июле 1924 года.

Как должно быть осуществлено единство?

Итак, основной вывод:

Кампания, начатая Коминтерном и Профинтерном, не есть признак или результат нашей слабости, а трезвый, революционный учет мировой обстановки, диктующей в интересах ускорения революционной борьбы во всем мире — нового обходного пути, новой атаки на капитал и на реформизм, его поддерживающий.

Каким образом оно может быть осуществлено?

Конгрессы Коминтерна и Профинтерна в принятых ими июльских резолюциях совершенно точно и ясно определили этот путь и способы осуществления единства.

Резолюция о единстве профдвижения гласит: «Эта кампания за единство в первую голову, и главным образом снизу, развиваемая в широких массах, должна поставить перед ними во весь рост и с полной отчетливостью—вопрос о создании единого Интернационала профсоюзов».

Одним из шагов в этом направлении должен явиться созыв «Об'единительного Интернационального Конгресса профсоюзов», на котором должны быть представлены организации, примыкающие к обоим Интернационалам (Москва и Амстердам), на основе пропорционального представительства, для выработки общего устава и создания исполнительных органов нового об'единенного Интернационала. Для этого Конгресс постановил действовать в двух направлениях: снизу—путем проведения широкой кампании за единство в рабочих массах, которые должны сами оказать соответствующее давление на свои профорганизации, и сверху—путем непосредственных переговоров с Амстердамом и с британскими тред-юнионами, представители которых, составляя левое крыло Амстердама, выступают внутри Амстердамского Интернационала, как сторонники единства профдвижения.

С другой стороны, Конгресс дал и всем отдельным профорганизациям, входящим в Профинтерн, право и возможность, не упуская ни одного благоприятного случая, входить в непосредственные переговоры с Амстердамом или с отдельными его частями по вопросу об установлении единого фронта.

Кроме того, Конгресс Профинтерна создал Комиссию мирового единства профдвижения из 17 представителей разных стран, —эта комиссия, под руководством Исполбюро Профинтерна, должна провести практическую работу по восстановлению единства профдвижения.

Резолюция Профинтерна, равно как и принципиальное решение Конгресса Коминтерна по вопросу об единстве профдвижения, вызвали целый ряд возражений, главным образом, со стороны некоторых представителей германской делегации.

Но об оппозиции по этому кардинальнейшему вопросу (Германия), а также о точках зрения ей противоположных (Англия, Франция и Россия), мы поговорим в следующей статье, которая конкретно рассмотрит проблему борьбы за единство профдвижения в отдельных главнейших странах.

В. Кнорин.

Ленинский призыв, его состав и запросы.

I.

Прошло уже полгода с тех пор, как январьский пленум ЦК РКП (б), первый после смерти Ленина, предложил всем организациям начать кампанию по вербовке в партию 100.000 рабочих от станка. Первоначально намеченная ориентировочная цифра — 100.000 — в ходе кампании была значительно превзойдена и, по данным статотдела ЦК РКП (б), к концу кампании оказалось принятыми в партию кандидатами всего 179.653 товарища. Если до ленинского призыва общее количество членов и кандидатов нашей партии было 450.000, то новый состав кандидатов, влившихся в партию по ленинскому призыву, составляет 28,3% всей партии. Это настолько высокая цифра новых членов, что в состоянии глубоко изменить внутрипартийную жизнь и повлиять на партийную работу. Чтобы эти изменения и влияния были направлены в сторону укрепления старых ленинских принципов партийной политики, партия должна была в течение первой половины текущего года сосредоточить все свое внимание на политическом воспитании и втягивании в активную работу ленинского призыва. Теперь для первых групп ленинцев уже истекает шестимесячный кандидатский срок. В течение ближайших 3—4 месяцев весь ленинский призыв должен будет перейти из кандидатов в действительные члены партии и сравниться в партийных правах и обязанностях со старым составом партии. Это возлагает величайшую ответственность на старый состав партии, на обязанности которого лежит их политическое воспитание. Необходимо серьезнейшее изучение состава, запросов, нужд и склонностей всей массы ленинцев, от самых отсталых до наиболее передовых, ибо через них мы вплотную подходим к детальному изучению запросов, нужд и склонностей рабочих масс и к углубленной постановке партийной работы в фабрично-заводской ячейке, как это необходимо в теперешних условиях, при все еще продолжающихся экономических затруднениях, с одной стороны, и роста политической активности и общественной самодеятельности, с другой стороны.

Ленинский призыв далеко не равномерно распределяется по всей нашей партии. Из принятых 179.653 товарищей кандидатов-ленинцев больше половины (90.733) падает на 10 крупнейших промышленных центров, а другая половина распределяется по остальным организациям партии. Если во всей партии ленинцы составляют 28,3%, то по этим 10 промышленным районам они

составляют 40%, а по отношению к старому составу партии — 53,2%. Столь же радикально ленинский призыв изменяет соотношение нашей партии со всем рабочим классом. Мы почти повсеместно уже имеем на каждых 10 рабочих одного коммуниста, а по некоторым организациям даже на каждых 5 — одного. Наглядно это показывает следующая таблица:

Название организации.	Число принят. по ленинскому призыву.	% ленинцев по отношен. ко всему сост. чл. и канд. партии до приз.	% коммунист. к общему числу всех рабочих.		% коммунист. у станка к общему числу рабочих.	
			До ленинского призыва.	После ленинск. призыва.	До ленинского призыва.	После ленинск. призыва
1. Московск. губ.	23.294	43,4	19,4	27,8	4,3	12,7
2. Ленинград. „	19.866	59,6	32,1	51,2	4,2	23,3
3. Тульская „	6.641	137,5	14,8	35,2	4,3	24,6
4. Донецкая „	18.651	147,7	7 8	19,3	2,6	14,1
5. Ив.-Вознес. „	3.922	78,6	7,7	13,7	3,1	9,2
6. Уральск. обл.	8.113	26,6	28,2	35,7	4,5	12,1
7. Нижегор. губ	3.116	31,6	23,1	30,4	4,4	11,7
8. Брянская „	1.080	30,3	19,3	25,1	3,4	9,3
9. Екатерин. „	2.595	39,0	35,1	48,7	6,2	19,9
10. Харьковск. „	3.455	32,1	42,4	56,0	3,1	16,7
Итого	90.733	53,2	20,0			14,5

По земледельческим губерниям и окраинам вес и значение ленинского призыва в составе партии и, следовательно, и в партийной работе значительно меньше. Так, по 9-ти типичным крестьянским губерниям ленинский призыв составляет только 23,3% общего числа коммунистов до ленинского призыва, по Туркестану — 24,9% (данные неполные), по Дальнему Востоку, тоже по неполным данным, — 22,6%. Но зато и в этих губерниях и областях ленинский призыв производит самый радикальный переворот в отношениях партии к беспартийным рабочим. Так, по Енисейской и Кубано-Черноморской губерниям после ленин-

ского призыва почти половина всех промышленных рабочих оказываются членами или кандидатами партии. Наглядно это показывает следующая таблица:

Название организации.	Число принят. по ленинскому призыву.	% ленинцев по отношен. ко всему сост. чл. и канд. партии до приз.	% коммунист. к общему числу всех промышленных рабочих *).		% коммунист. у станка к общему числу рабочих*).	
			До ленинского призыва.	После ленинск. призыва.	До ленинского призыва.	После ленинск. призыва.
1. Воронежск. губ.	917	20,4	74.0	89,1	3,6	18.7
2. Курская „	1109	26,4	39,7	50,3	3,8	14,4
3. Орловская „	490	12,6	93,9	105,7	5,6	17,4
4. Тамбовская „	2.249	44,1	37,6	54,2	6,1	22,7
5. Самарская „	1.262	22,8	102,7	126,1	6,5	29,9
6. Саратовская „	2.539	29,1	75,5	97,5	12,4	34,7
7. Омская „	1.041	14,6	—	—	—	—
8. Куб.-Черн. „	1.521	14,9	1 3,7	142,1	30,3	48,7
9. Енисейская „	1.588	30,6	115,3	150,6	14,4	49,7
Итого	12,716	23	82,2	101,3	11,3	30,4

Однако, наше влияние на рабочую массу определяется не только количественным соотношением членов партии и беспартийных рабочих, но также и ролью и значением находящихся у станка членов партии в производстве, их производственным стажем и социальным составом. Данные (неполные), имеющиеся в нашем распоряжении, показывают, что ленинский призыв состоит в своей массе из наиболее квалифицированной части нашего пролетариата, пожилых, «серьезных» рабочих, имеющих большой вес в беспартийной рабочей массе и являющихся авторитетом в производстве. В сообщениях из ряда организаций отмечается, что процент квалифицированных рабочих достигает 60—80%, что, в среднем, производственный стаж ленинцев не меньше 10-ти лет. Для иллюстрации мы берем Красно-Пресненский район Московской организации, Бакинскую и Одесскую организации.

По Красно-Пресненскому району Московской организации принято всего 6.128 человек, из них рабочих — 5.806, служащих — 159, крестьян — 87 и прочих — 76. Положение рабочих в производстве и их социальные связи показывает следующая таблица:

*) Данные о числе рабочих для обоих наших таблиц взяты из сборника Ц.С.У. по состоянию к 1-му января 1923 г.

		Производствен. стаж.					Социальн. происх.				Чис. сохр. связь с деревней.
		До 3 лет.	С 3 до 10 л.	Свыш. 10 л.	Без указ.	Сред стаж.	Деди отец раб	Дед к. отец. раб.	Отец крест	Отец рем.	
Квалифиц. .	3793	302	1367	2077	47	13,71	679	1008	1524	26	1119
Полуквалиф.	848	261	308	264	15	8,64	121	233	350	4	210
Неквалифиц.	1165	139	425	500	101	11,42	156	193	685	4	320
Итого	5806	702	2100	2841	162	12,53	956	1434	2559	34	1649

Из этой таблицы мы делаем тот вывод, что хотя ленинский призыв и состоит из наиболее квалифицированной части нашего пролетариата, однако, *наполовину он является пролетарским только в первом поколении. Половина всех ленинцев — сыновья крестьян*, а $^4/_5$ — *внуки крестьян*. Крестьянская кровь течет в их жилах и крестьянские нужды, радости и горести, естественно, близки их сердцу. Больше того, 28% из них еще сохраняют связь с деревней и, следовательно, являются полукрестьянами— полурабочими, иначе сказать, закоптевшими в фабричном дыму крестьянами. Такова картина по лучшему пролетарскому району г. Москвы. Мы уверены, что данные по другим районам и городам эту картину не изменяют. Могут быть только незначительные отклонения в ту или другую сторону.

По Бакинской организации в настоящее время из всех принятых по ленинскому призыву находится у станка — 96,5%, из которых до 1917 г. были рабочими — 6.254 чел. или 87% всего приема, крестьянами — 592 чел. или 8%, служащими — 165 чел. или 2% и прочими — 190 чел. или 3%. Сопоставляя общую цифру находящихся теперь у станка, с цифрой рабочих до 1917 г., мы приходим к выводу, что бакинские ленинцы — это рабочие, находившиеся у станка в течение всей революции, плюс незначительный процент (7,92%) опролетаризировавшихся во время революции крестьян (землепашцев в настоящее время— 0,8%), служащие и прочие в Бакинской организации среди ленинцев никакой роли не играют.

По Одесской организации средний производственный стаж— 10 лет. Процент рабочих-ленинцев, находящихся у станка свыше 20-ти лет, достигает 10—15%. Та активность, которую одесские ленинцы проявили на происходивших производственных совещаниях, говорит, что в партию вошла не только технически наиболее квалифицированная, но и политически наиболее квалифицированная и активная часть рабочих.

Мы взяли Одесскую и Бакинскую организации, которые менее всего связаны с деревней. Они не являются типичными. Гораздо более типична Москва. Но если мы перейдем от нее к менее промышленным и более отсталым городам северной и средней части нашей республики, то получим значительно менее квалифицированный и более связанный с деревней состав ленинцев. Из Вологодской губ. сообщают нам, что ленинцы, в большинстве своем, состоят из чернорабочих, а вологодский чернорабочий, это — полукрестьянин, еще не порвавший связи с землей и находящийся на отхожих промыслах. Он так себя и считает находящимся временно в отлучке от деревни. Даже в Москве есть ячейки, которые по своим социальным связям делятся на две части: рабочих, уже связавших навсегда свою судьбу с фабрикой, и крестьян, все время оглядывающихся на свою деревню. Наиболее характерна Череповецкая губерния, в которой только по одному предприятию, в котором был значительный прилив ленинцев, отмечается 85% рабочих. На остальных же из всего состава работающих — только 30—40% рабочих, а остальные — крестьяне окрестных деревень, временно работающие по найму (напр., Андокская и Сойволовская бумажно-картонажные фабрики, Белозерский водный транспорт и т. д.).

Приведенные мною данные говорят, что в ленинском призыве мы имеем лучшую часть наших промышленных рабочих, наиболее авторитетных в производстве и целиком отражающих наш рабочий класс, но в то же время тысячью нитями связанных с деревней и с деревенским крестьянским хозяйством. Наш рабочий-ленинец имеет два лица: одно обращено к нашей социалистической промышленности, над поднятием которой он работает и которое является его завтрашним днем, а другое обращено к деревне, к отцовскому или дедовскому хозяйству, которое является его вчерашним днем, над которым он уже не работает, от которого он ушел под давлением экономической нужды. На первом месте для него фабрика, вопросы о зарплате, элементарных удобствах рабочего быта, а когда эти его потребности удовлетворены, тогда он задается вопросом о деревенском хозяйстве, о мужицком быте. И если партия недостаточно чувствительна к деревенской неурядице, если он не находит достаточного раз'яснения партийной политики по отношению к крестьянству, он ищет сам выхода и иногда приходит к ложным заключениям.

Партия должна учесть этот двуликий характер русского пролетариата, нашедший полное отражение в ленинцах, а через них — в нашей партии.

II.

Наиболее квалифицированная часть рабочих является одновременно и наиболее культурной во всех отношениях. Но культурный уровень и этой, наиболе культурной, части российских рабочих низок. Нечего и говорить про неквалифицированных рабочих, про крестьянскую и полукрестьянскую прослойку. Партии придется приложить колоссальные усилия, чтобы поднять эту малокультурную, полупролетарскую массу ленинцев до высоты понимания основных задач партии, активного участия в нашей партийной жизни и умения проводить партийную линию в беспартийной рабочей среде. Без элементарной грамотности, без минимальной культурности нет и не может быть активного участия в политической жизни и партийной работе. На вопросах поднятия культурного уровня низовых слоев нашей партии и, прежде всего, рабочих ленинского призыва, в первую голову, должно быть сосредоточено наше внимание.

Что мы имеем на самом деле?

По Московской организации положение с элементарной грамотностью считается удовлетворительным. По Красно-Преснен-

скому району на 6.128 принятых по ленинскому призыву неграмотных всего — 88, из них 42 женщины, т.-е. из всего состава неграмотных — 1,1%, а из всех женщин — 4,3%. Как общее правило, культурный уровень ленинцев выше окружающих беспартийных рабочих. В партию, в первую голову, шли те, кто чувствовал себя способным подняться до руководства беспартийной массой, до обще-политических задач. По Сокольническому району, как нам сообщают, только в исключительных случаях (напр., яч. службы пути Сев. ж. д., где 50% только что кончают школу грамоты) ленинцы по своему культурному уровню не стоят выше беспартийных рабочих. Значительно хуже дело в Харькове: по Основянскому району, напр., «до 75% всего состава ленинского набора политически и культурно малоразвиты и малограмотны»; по Ивановскому району «большинство ленинцев малограмотны, общеобразовательная подготовка в об'еме низшей школы или одного—двух лет сельской школы». Еще хуже дело в Бакинской организации, где получивших низшее образование — 51%, самоучек — 7,5%, малограмотных — 25% и неграмотных— 16%. При этом сами бакинцы настолько низко оценивают знания малограмотных, что об'единяют их в одну группу с неграмотными, вследствие чего мы получаем факт, что почти половина бакинских ленинцев не может свободно читать своей партийной газеты и следить за политической жизнью страны. Конечно, Баку исключение. Вследствие большого прилива в Баку тюркских рабочих, общий культурный уровень там понижается. Мы правильно сделаем, если в своей оценке положения будем исходить не из Баку, а из Москвы и Харькова, но и в таком случае перед нами стоит серьезная задача — поднять культурный уровень массы ленинцев, окончательно изжить элементарную неграмотность, которая и в Москве, и в Харькове продолжает существовать в виде малограмотности, покончить с положением, когда в столице находятся ячейки, в которых до 1/3 ленинцев не в состоянии читать свободно газету.

Низкий культурный уровень и малограмотность, отсутствие навыков пользоваться газетой и читать книгу, обыкновенно сопровождаются рядом бытовых явлений, как пьянство, домостроевщина, религиозные пережитки, антисемитские выходки и т. д. Все эти черты культурной отсталости имеют место среди некоторой части ленинцев так же, как они имеют место и среди наиболее отсталой части старого состава партии. Они в сильной степени будут мешать приобщению ленинцев к активной партийной работе и росту их авторитета среди беспартийных. С этими бытовыми явлениями, характерными для отсталых слоев рабочих, мы, однако, должны бороться не мерами дисциплинарного воздействия, а мерами поднятия их культурного уровня. Одной из основных черт коммуниста является не только его личная антирелигиозность, но и активная борьба против пережитков религии на основе материалистического мировоззрения. Но от ленинцев при вступлении в партию мы не требовали и не могли требовать законченного материалистического мировоззрения. Мы все помним многочисленные случаи, когда на собраниях по приему в партию старые рабочие и работницы давали обещание выбросить иконы и покончить с религией. Но антирелигиозность закрепляется только оформлением материалистического мировоззрения. Это

мировоззрение — хотя бы в самых элементарных формах — мы должны дать новому члену партии. Но это процесс длительный. Он может быть ускорен только тем, что, втягивая самых отсталых товарищей в активную политическую работу, мы ускоряем рост их культурности в небывалых размерах и с редкой быстротой изживаем домостроевщину, пьянство, религиозные пережитки, антисемитские выходки и проч. некультурные «шалости», вроде кулачного боя.

Мерилом культурного уровня для нас должна быть не только техническая грамотность и элементарные культурные навыки. Политическая грамотность, умение ориентироваться в окружающей среде и принимать участие в политической жизни страны являются другим, столь же важным мерилом культурного уровня. Только учитывая и элементарную, и политическую грамотность, мы получим правильную оценку культурного уровня ленинцев.

Мерилом политической активности и грамотности могут служить данные об участии в революционной и общественной жизни до вступления в партию, и об участии в гражданской войне. Процент служивших в Красной армии по Красно-Пресненскому району Москвы — 44,6%, по Хамовническому — 51%, по Нижегородской организации — 53%, по Брянской — 40%, по Смоленской — 35%. Следовательно, средний процент участников гражданской войны — 40%. Это говорит, что почти половина всех ленинцев активно переживала годы революции и кое-какой политический опыт приобрела. Если иметь в виду, что среди ленинцев, бывших участников гражданской войны, есть значительная часть крестьян и полукрестьян, то мы можем сделать заключение, что в крестьянской части ленинского призыва черты деревенской ограниченности и мелкособственническая психология гражданской войной в значительной части вытравлены. Поэтому, всякие преждевременные выводы, основанные только на деревенском происхождении и крестьянских связях, нужно считать необоснованными и преждевременными.

При рассмотрении вопроса о политической активности и участии в революционной и общественной жизни до вступления в партию, мы натыкаемся на три достаточно ясно определившиеся группы: 1) группа активных до вступления в партию (члены фабзавкомов, профуполномоченные, члены лавочных комитетов, работники низовой кооперации, клубные рабтники и т. д.), 2) группа политически пробудившихся в связи с общим политическим под'емом прошлого года и в связи со смертью Ленина, 3) группа политически малоразвитых и малоактивных и вошедших в партию по случайным причинам, иногда непартийного и даже шкурнического характера.

Точных данных о численном составе каждой из этих групп в нашем распоряжении нет. Нижегородская организация количество всех проявивших политическую активность до вступления в партию, интересовавшихся партийной работой, посещавших открытые собрания ячеек и кружков политграмоты, работавших в фабзавкомах, кооперации и в секциях совета и т. д., определяет в 62% всего ленинского призыва. Одесская организация называет эту группу значительной. По Красно-Пресненскому району— около 80% ленинцев из бывших содействующих, а более 10% всех ленинцев до вступления в партию находились на кооперативной, профессиональной и др. работе. Эта группа до вступления

ее в партию считалась резервом партии, была душой с партией, и теперь лишь оформила свое отношение к ней. Между нею и старым составом партии нет глубокой разницы. Она уже присмотрелась к тому, как работает партия, и легко усваивает ее тактические и организационные принципы.

Вторая группа товарищей, пробудившихся к политической жизни, в связи с прошлогодним под'емом и смертью Ленина, и двинутая в партию общим настроением, чувством солидарности с партией, потерявшей своего вождя, и искренним желанием теснее сплотиться вокруг нее, помочь ей и работать под ее руководством. Количественный состав этой группы еще труднее определить, но мы не будем далеки от действительности, если скажем, что она составляет от 20 до 40% всего состава. При этом, по рабочим губерниям, где процент прежде активно работавших с партией выше, процент этой группы спускается ниже, зато поднимается в губерниях с менее развитой пролетарской общественностью и менее квалифицированным пролетариатом.

Третья группа — политически малоактивные, малоразвитые и случайные. Среди них есть такие, которые шли с намерением использовать партию в своих личных интересах, получить более выгодное место, застраховать себя от сокращения, добиться коекаких привилегий и т. д. Та осторожность, с которой партия подходила к вопросу о приеме, свела эту группу до минимума. Определить ее величину и значение возможно только в процессе работы, когда действительные намерения отдельных товарищей проявляются открыто, когда выясняется отношение каждого отдельного к партийной дисциплине и к партийным тягостям. Численным показателем этой группы до сих пор являются только выходы из партии. В некоторых организациях (Харьков) полагают, что при переходе из кандидатов в действительные члены, в общем по всей организации, отойдет 2—3%. До сих пор по Харьковской организации было не больше 10 исключений и случаев подачи заявлений об уходе из партии ленинцев. Приблизительно такие же цифры дают и другие губернии.

Эти данные говорят, что политическая активность и политическая грамотность ленинского призыва значительно выше элементарной грамотности, что поможет преодолеть те затруднения, которые встречаются в партии для вступивших в нее малограмотных. Когда бакинцы, грозненцы, астраханцы и другие жалуются на техническую неграмотность ленинцев, но одновременно отмечают их большую политическую активность, желание учиться и работать, то это означает, что техническая неграмотность будет преодолена, что партия сумеет поднять культурный уровень своих членов, что бояться неграмотности и отсталости нам нечего. Мы получили наиболее культурную часть рабочего класса. Когда эта наиболее культурная часть рабочих, вступивших в партию, видит, что она недостаточно культурна для того, чтобы быть политическим руководителем беспартийной рабочей массы, она проявит колоссальную энергию и приложит все старания, чтобы подняться еще выше.

Конечно, мы не должны закрывать глаза на последнюю, третью группу. Чем скорее недоброкачественный элемент отделится и отойдет от партии, тем для партии лучше. Но мы должны быть достаточно осторожны, чтобы не толкнуть к уходу тех, кто пришел к партии с чистым сердцем, но не в состоянии сразу подняться до необходимой члену партии политической активности.

III.

Что дал партии ленинский призыв за первое полугодие? Чего мы достигли в работе с ленинцами?

Ленинский призыв, в значительной мере, оживил низовую фабрично-заводскую ячейку и сблизил ее со всей массой беспартийных рабочих. В этом году уже невозможно повторение того, что было год тому назад, когда назревающие в рабочей среде серьезные конфликты оставались скрытыми от глаз партии. Партия получила крепкую связь с беспартийной рабочей массой, но одновременно сама стала в большей мере испытывать на себе давление их настроений, что требует от низовых партработников большей, чем до сих пор, выдержки, чуткости, авторитетности.

Наряду с изучением тактики и стратегии партии в школах политграмоты, ленинцы изучают ее в активной партийной работе. Данная XIII с'ездом директива о вовлечении ленинцев в активную партийную работу выполняется с успехом. Ряд организаций уже добился того, что каждый ленинец имеет уже какое-нибудь, хотя бы небольшое, поручение, на котором учится партийной работе. В Москве втянуто в активную работу уже свыше ¾ всего состава ленинцев, по большинству промышленных губерний приблизительно такое же количество. Активность среднего ленинца, как сообщают с ряда мест, не ниже активности рядового партийца из старого состава. На практической работе, на первых активных шагах, происходит сближение старого состава членов партии с ленинцами. И там, где ячейка была достаточно крепка и авторитетна, где ленинцы, еще до вступления в партию, привыкли прислушиваться к ее голосу и уважать и исполнять ее решения, там это сближение происходит легко и безболезненно. Там же, где старый состав членов партии был слишком слаб, чтобы руководить работой, и не пользовался достаточным авторитетом, встречаются перебои в работе и трения между ленинцами и старыми партийцами, там иногда замечается нарушение ленинцами партийной дисциплины.

Больше всего активности ленинцы проявляют в вопросах производственных и профессиональных, в которых легче всего ориентируются. Из ряда мест сообщают, что ленинцы на фабриках служат примером трудовой дисциплины и оказывают в этом отношении влияние на беспартийных рабочих, вследствие чего уменьшилось количество прогулов и увеличилась производительность труда. Но **перегрузка** ленинцев общественно-политической работой может привести к противоположным результатам. Из одной ленинградской фабрики уже сообщают, что, в связи с перегрузкой ленинцев общественной работой, производительность начала падать. Нужно учесть такие симптомы, чтобы не допустить в широких размерах подобных ошибок. Если мы оторвем ленинца от производства и вырвем его из рабочей массы, если мы его так загоняем школами и обязанностями, что он на фабрике уже не сможет быть образцовым работником и на него начнут смотреть, как на лодыря, мы потеряем половину наших достижений.

Но, наряду с этим, приходится отмечать, что в отдельных случаях, в производственно-развращенной среде, они становились носителями вредных настроений. Были отдельные случаи, когда ленинцы не только не участвовали в работе по поднятию норм выработки и установлению фактического восьмичасового рабочего дня, а, наоборот, препятствовали. Был случай в Царицыне, когда, при проведении профсоюзом снижения ненормально вздутой, по сравнению с другими категориями рабочих, заработной платы грузчиков, несколько человек-ленинцев пошли против профсоюза и партии и вели агитацию за забастовку и один даже, после всех необходимых раз'яснений участвовал в забастовке. Вероятно, такие факты есть и в других организациях. Они означают только то, что необходимо раз'яснять ленинцам нашу экономическую политику, вовлекать их в активную работу по поднятию производства, по проведению принимаемых профсоюзом, партией и фабричной администрацией мероприятий. Царицынские грузчики-ленинцы мотивировали свое участие в забастовке тем, что они должны быть с большинством рабочих, но когда им раз'яснили действительные обязанности члена партии и необходимость проводимой профсоюзом меры, они изменили свою точку зрения и пошли с союзом. То же будет везде при правильной постановке партийной работы.

Большие успехи достигнуты и в партийной работе. Во многих местах ленинцы уже вошли в состав бюро ячеек, назначены цеховыми организаторами, организаторами кружков и т. д. И в этой, совершенно новой для них, области работы они справляются с успехом.

Усвоить организационные принципы большевистской партии, научиться проводить партийное мнение в беспартийной массе, руководить массой, а не идти за ней, научиться большевистской партийной дисциплине — вот самое трудное дело, на котором ленинцы пока чаще всего спотыкаются.

«Бакинский Рабочий» пишет: «Сила нашей партии состоит в ее внутренней классовой спаянности, в ее железном единстве и твердой стальной дисциплине. В этом отношении, как мы наблюдаем из нашей партийной практики, с ленинцами обстоит еще не все благополучно. Дисциплина среди них пока хромает. Если взять, например, хотя бы такой случай, когда ленинцы при выборах фабзавкома «отвели» кандидата своей ячейки и провели «своего» кандидата, — это уже одно доказывает непонимание ими значения внутрипартийной дисциплины, разбивающее сплоченность и единство партии. И на эту сторону работы с ленинцами необходимо обратить сугубое внимание».

Подобные сообщения можно привести из многих городов, в том числе и из Москвы, где был ряд случаев, когда ленинцы не хотели подчиниться фракционной дисциплине и даже уходили из заседаний, чтобы уклониться от голосования за предложения ячейки.

Но, отмечая такие факты недисциплинированности, мы должны сказать, что они не должны быть приняты на веру и требуют серьезного анализа их причин. В большинстве случаев такая недисциплинированность проявлялась тогда, когда не было достаточной предварительной фракционной проработки вопросов или когда явно неавторитетное для ленинцев бюро ячейки хотело проводить свои предложения во что бы то ни стало. А такие случаи, конечно, не могут быть поставлены в вину ленинцев.

Чтобы живая активная часть рабочих от станка вела себя, как дисциплинированные члены партии, для этого необходимо серьезное раз'яснение принципов большевистской партийной организации, с одной стороны, и оживление работы фракций в профессиональных, кооперативных и др. органах, с другой. Там, где на этот двусторонний путь стали, всякие недоразумения из-за дисциплины исчезают. Мы нигде не отметили сознательного выступления ленинцев против партии и ее организационных принципов. Наоборот, мы можем отметить, что желание быть дисциплинированным большевиком и нести все обязанности члена партии у ленинцев есть. И когда он уверен, что предлагаемое решение, с которым он не согласен, но за которое ему предлагают голосовать, не есть дело рук только малоавторитетной для него ячейки, а дело партии, что этого требует партийная дисциплина, — он принимает это, как должное.

Это и есть сознательная, суровая дисциплина, которую мы требуем от каждого члена партии.

Такое отношение к дисциплине помогает нам учесть настроение рабочих масс и результаты этого учета использовать в целях партии.

Но ленинцы помогают укрепить влияние партии не только на рабочих, но и на деревню. Те связи ленинцев с деревней, которые мы характеризовали цифрами в первой части настоящей статьи, дали повод XIII с'езду РКП указать на необходимость использования связи ленинцев с деревней для укрепления смычки рабочих и крестьян и для развития работы по культшефству. Ленинский призыв в эту работу внес много энергии и инициативы. Но в то же время, в виду своей политической неподготовленности, они иногда переносят настроения политически отсталой крестьянской среды в фабричные ячейки. Расслоение деревни, тяжелое положение бедноты, неналаженность низового административного аппарата, слабость сельской кооперации, отсутствие опытных политических руководителей в деревне и все экономические тяготы, ложащиеся на беднейшую часть крестьян, болезненно переживаются ленинцами, имеющими связь с деревней и являющимися в большинстве случаев сыновьями беднейших и средних крестьян. Рост кулачества, укрепление зажиточных слоев деревни и недостаточная поддержка государством деревенской бедноты расценивается, как недостаточное внимание к нуждам деревни и деревенской бедноты. Все это дает повод говорить о крестьянофильских настроениях среди ленинцев или о крестьянском уклоне. На самом деле для таких разговоров у нас нет достаточных оснований. Нашей задачей является выяснение ленинцам условий восстановления нашего сельского хозяйства и нашей партийной политики в деревне. Если партия в достаточной мере выяснит ленинскому призыву свою крестьянскую политику, то ленинцы, безусловно, будут самыми верными ее проводниками. Невнимание к крестьянскому вопросу, небрежное отношение к нуждам деревни, о чем нам часто сигнализируют ленинцы, может вредно отразиться не только на настроениях ленинцев, но может повредить и делу всей партии.

В заключение мы можем сказать, что партия с ленинским призывом успешно справилась и в течение первого полугодия приобщила людскую массу, равную 40% ее состава, к активной политической работе. Но, учитывая сравнительную культурную и политическую отсталость ленинцев, партия и впредь должна будет сосредоточить свое внимание на вопросе о политическом воспитании ленинского призыва как на практической, ежедневной работе, так и в школах политической грамотности, в кружках ленинизма и марксизма. Ленинский призыв поднял фабрично-заводскую ячейку, придав ей принадлежащее по праву значение. Партия впредь должна будеть все свои воспитательно-просветительные планы, свои школы и газеты и издательскую работу приноровлять к запросам и нуждам партийца от станка, фабрично-заводской ячейки.

Но есть еще одна задача, про которую сейчас говорят мало. XIII с'езд, считая кампанию по ленинскому призыву законченной, предложил продолжать вербовку в партию рабочих от станка. Ленинград, Нижний эту задачу с успехом выполняют. Необходимо, чтобы другие организации не отставали.

Вербовка в партию рабочих от станка и после ленинского призыва не должна быть ослаблена.

А. Стецкий.

Перед новым хозяйственным годом.

(Статья первая).

I. Неурожай.

В нашей стране, где сельское хозяйство является преобладающим, хозяйственное положение в значительной степени определяется размерами урожая. Поэтому естественно, что именно теперь внимание партии, правительства и хозяйственных органов направлено на установление размеров урожая, на анализ обстановки, которая им определяется, и на выяснение тех хозяйственных и политических задач, которые из этой обстановки вытекают.

Нынешний урожай не оправдал надежд, возлагавшихся на него лишь несколько месяцев тому назад. Расширение посевной площади по всему Союзу, благоприятная зима и весна,—все давало основания надеяться, что урожай этого года значительно превысит прошлогодний. Но крестьянское хозяйство находится во власти стихии, и эта стихия на протяжении пары месяцев опрокинула все наши прежние расчеты.

Отсутствие дождей и жаркая погода—особенно на юго-востоке России—в течение решающих для урожая месяцев мая—июня привели к выгоранию посевов и трав. В некоторых районах действие засухи было настолько сильно, что озимые и яровые посевы ржи и пшеницы погибли совершенно или дают незначительный сбор в несколько пудов с десятины. Особенно пораженными засухой оказались некоторые уезды Самарской, Саратовской, Донской, Ставропольской, Харьковской губ. и почти целиком Терская губ., Кабардино-Балкарская область, Царицынская губ., Астраханская губ., Республика Немцев Поволжья и Калмыцкая область. Посевная площадь этих районов, где урожай в общем ниже 6 пудов на душу населения—определяется в 5.660.000 десятин, что составляет около 7% посевной площади всего Союза, а количество сельского населения этих районов определяется в 6.089.000 душ. Рядом с этими, остро пораженными засухой, районами, имеются и в центрально-земледельческом районе, и на Украине, и в Сибири районы с плохим урожаем, где, однако, размеры сборов в общем дают возможность крестьянству с трудом продержаться до нового урожая.

Одно лишь сопоставление приведенных выше цифр с цифрами 1921 г. показывает, насколько преувеличены все разговоры относительно повторения теперь неурожая 1921 г. В 1921 г. площадь неурожая определялась в 23 миллиона десятин, и количество насе-

ления пораженных неурожаем районов—в 26 миллионов душ. Таким образом, и по количеству населения, и по размерам посевной площади неурожай нынешнего года составляет 25% неурожая 1921 года, т.-е. меньше последнего в четыре раза.

Однако, кроме этой количественной разницы, имеется и качественная. В этом году вместо сплошь неурожайных районов 1921 года наблюдается чрезвычайно пестрая картина чередования благополучных уездов, волостей, деревень и даже отдельных хозяйств с неблагополучными. С другой стороны, дожди, прошедшие в июле и августе, несколько улучшили состояние поздних культур-огородов и бахчей. В самых неурожайных районах отмечается средний и выше среднего урожай проса, кукурузы и хорошее состояние бахчей, огородов и виноградников. Эти обстоятельства сами по себе несколько облегчают положение населения.

Неурожай значительно изменил в худшую сторону расчеты относительно хлебного баланса Советского Союза. При нормальных условиях, в связи с расширением посевной площади, валовой сбор зерновых хлебов по всему Союзу должен был бы превышать 3.000 милл. пуд., что дало бы возможность экспортировать за границу около 400 милл. пудов, т.-е. в два раза больше, чем в текущем году и сделать большое продвижение вперед во всех областях нашего хозяйства. Теперь, по самым осторожным подсчетам цифра валового сбора колеблется несколько ниже прошлогодней—около уровня в 2.650 милл. пуд. Если прибавить к этому остатки от урожая прошлого года, определяемые в 150—200 мил. пуд., то общие размеры хлебных рессурсов Союза в этом году будут составлять свыше 2.800 мил. пуд. Обеспеченность населения хлебом выражается, по предварительным подсчетам ЦСУ, около 20 пуд. на душу, а излишки, за вычетом потребления сельского и городского населения, удовлетворения хозяйственных нужд, составят около полутораста мил. пуд. Эти цифры показывают, что Советский Союз располагает достаточными рессурсами для того, чтобы без посторонней помощи справиться с бедствием, постигшем отдельные его районы, оказать продовольственную помощь нуждающемуся населению и поддержать крестьянские хозяйства, пораженные неурожаем.

II. Борьба с последствиями неурожая.

Дело осложняется, однако, тем, что удар нанесен как раз районам, которые перенесли ужасную засуху 1921 года и еще не оправились от ее последствий. Нечего и говорить, что предоставленные самим себе эти районы не смогут справиться с бедствием, и крестьянское хозяйство их в этом случае окажется надолго подорванным. Для того, чтобы предотвратить хозяйственную гибель края и повторения в нем бедствий 1921 года, необходима помощь ему и со стороны правительства, и со стороны населения Союза.

Как только выяснились действительные размеры неурожая, и районы им охваченные, правительством была образована, под председательством тов. Рыкова, комиссия по борьбе с последствиями неурожая. Этой комиссией разработан и осуществляется теперь план конкретных мероприятий помощи населению и крестьянскому хозяйству неурожайных районов.

На первый план выдвигается именно этот последний вид помощи. Самое главное теперь—это помочь крестьянину удержать свое хозяйство, так как в противном случае, действие неурожая далеко выйдет за пределы нынешнего года и в продолжение ряда лет будет отражаться и на экономике края, и на экономике всей страны. Поэтому комиссией были прежде всего приняты меры по обеспечению засева озимого клина. Для этой цели требовалось заготовить и доставить на места 8½ мил. пуд. семян, причем почти все это количество необходимо было заготовить из нового урожая. Несмотря на чрезвычайно краткий двухнедельный срок—с 1 по 15-е августа, который был дан хлебозаготовительным организациям для выполнения этой задачи,—они с ней справились блестяще: заготовка и отгрузка семян была закончена ранее срока, а к двадцатым числам августа семена прибыли уже на места и отчасти через кооперативные организации, отчасти через земотделы были распределены среди крестьян. Эта семссуда дала возможность крестьянам не только сохранить озимый клин, но в некоторых уездах даже расширить его. В дальнейшем встанет задача обеспечения семенами ярового клина, причем для ее выполнения потребуется, вероятно, в 2½ раз больше семян, чем для озимого клина.

С тою же целью сохранения крестьянского хозяйства проводится ссуда крестьянам на прокорм скота. Общий размер этой ссуды определен в 8 милл. рублей. Она с осени будет выдаваться через Сельско-Хозяйственный банк и местные кооперативные учреждения, под залог скота, на срок от 1 года до 3 лет, в зависимости от мощности хозяйства. Несмотря на то, что эта ссуда предусматривает прокорм скота на протяжение 2 месяцев в южных и 3 месяцев в остальных районах лишь в половинной от обычной норме, тем не менее, при наличии некоторых собственных запасов, норма эта даст возможность крестьянству сохранить скот. Предполагается, что ссуда обеспечит прокорм от 85 до 90% крупного скота неурожайных районов. Мера эта тем более необходима, что одним из самых тяжелых последствий голодного 1921 года было катастрофическое уменьшение в Поволжье рабочего скота, чрезвычайно затрудняющее восстановление крестьянского хозяйства.

Второй важной задачей является обеспечение неурожайных районов продовольствием. Как только на местах стали вырисовываться перспективы неурожая, среди населения, перед которым встал призрак 1921 года,—началась паника. Все бросились запасаться хлебом, началась спекуляция, и хлебные цены сделали сильный скачек вверх. Необходимо было прежде всего прекратить эту панику и дальнейший рост цен, продвинув в неурожайные места достаточные массы хлеба. В июле эта задача под руководством Наркомвнуторга была выполнена, хлебные цены пошли на снижение, и паника среди населения прекратилась. В конце июля и первой половине августа можно было наблюдать в результате этих мер любопытное явление: в неурожайных районах хлебные цены стояли даже ниже, чем в производящих, где, в связи со спекуляцией на неурожае и семенными заготовками цены, в свою очередь, пошли вверх. Если принять местные оптовые цены на рожь (в южных губерниях пшеницы) за 100, то в июле они изменились по неурожайным губерниям следующим образом:

	IV/II	11/VII	21/VII
Саратовская	167	132	146
Донская обл.	146	106	89
Ставропольская	150	139	106
Царицынская	222	206	187
Терская	142	142	115
Пензенская	174	183	135

Снабжать неурожайные районы хлебом и поддерживать там хлебные цены на определенном уровне, необходимо будет и дальше в течение всего предстоящего года.

Однако, часть населения будет нуждаться и в более серьезной поддержке. Уже в сентябре—октябре количество нуждающихся в прямой продовольственной помощи, тех, у кого к этому времени иссякнут запасы хлеба и кто не сможет покупать этот хлеб даже по урегулированным ценам, достигнет 2 миллионов человек и с марта месяца—свыше 5 миллионов. Подготовить помощь этим группам населения необходимо теперь же.

Однако, комиссией решено, поскольку это позволяют государственные средства, связать эту помощь с работой по восстановлению хозяйства края и по созданию условий, хотя бы в минимальной степени предохраняющих его от действия засухи. С этой целью предпринимается ряд общественных работ, имеющих целью провести ряд агро-мелиоративных мер: по орошению, по обводнению, восстановлению полевого хозяйства, по увлажнению и лесонасаждению. На эти работы придется ассигновать около 24 милл. рублей. Они дадут заработок на срок около 6 мес. от 750 до 800 тысяч крестьян.

Наконец, важное место занимает и должна занимать помощь детям. На эту помощь правительством и общественными организациями ассигнуется 8 милл. рублей. Помощь эта—в отличие от прошлых лет будет оказываться детям на месте и не будет сопровождаться отрывом от семьи и хозяйства. Для детей школьного возраста будет организовано питание в школах, а на питание детей дошкольного возраста будут выдаваться денежные или продовольственные средства родителям.

Таковы главнейшие из намеченных и проводимых теперь мер по борьбе с бедствием. Делю партийных, профессиональных и кооперативных организаций—направить свое внимание и силы на то, чтобы этот план, все меры, которые предпринимает правительство, и средства, которые оно и общественные организации предоставляют, дали максимум полезного действия, а не остались только на бумаге. Вместе с тем, необходимо теперь же использовать соответствующее настроение среди крестьян с целью пробуждения их собственной инициативы и самодеятельности в создании всякого рода обществ по борьбе с засухой, мелиоративные, для проведения агрономических улучшений. Крестьянские конференции и собрания должны сопровождаться лекциями и докладами агрономов. Ассигновать миллиарды на то, чтобы гарантировать край раз навсегда от неурожаев, наша страна в настоящее время не в состоянии; зато крестьянство само может, как это показал опыт этого года, путем улучшений, иногда незначительных, в культуре зерна, в системе полеводства, предохранить свой посев от действия засухи. Именно в эту сторону проведения агро-технических, доступных самим крестьянам мер, и должно быть направлено наше внимание и наша пропаганда.

III. Вопросы рынка.

Экономическая обстановка этого года значительно отличается от прошлогодней.

Одним из основных моментов, характеризующих эту обстановку, являются более высокие и продолжающие повышаться цены на хлеб. В то время, как в прошлом году в это время цена ржи колебалась в среднем от 30 до 50 коп. за пуд, теперь она колеблется около рубля. Даже в тех районах, где перспективы урожая являлись благоприятными, оптовые хлебные цены поднялись с мая месяца на 10—30%, а в районах неблагополучных по урожаю—на 64%.

Хлебные цены повышались на протяжении всего истекшего года. Однако, зимой повышение являлось результатом соответствующей политики правительства, имевшей целью ликвидировать «ножницы» и устранить тот разрыв, который возник между промышленностью и крестьянским хозяйством. Теперь этот рост цен происходит стихийно и, что особенно важно, он происходит, несмотря на приближающуюся реализацию урожая. Причиной его является прежде всего самый факт неурожая на юго-востоке, пестрота урожая в остальных районах Союза и начавшаяся в связи с этим спекуляция хлебом.

Если хлебный рынок будет предоставлен самому себе, рост хлебных цен продолжится и расхождение цен отдельных районов пойдет дальше,—население неурожайных районов, городское население и прежде всего рабочий класс, те слои крестьянства, которые прикупают хлеб,—будут поставлены в чрезвычайно тяжелое положение. Серьезные затруднения, политические и экономические возникнут тогда и перед советским государством. Поэтому одной из важнейших задач экономической политики в предстоящем году будет являться регулирование хлебного рынка, но уже не с целью повышения хлебных цен, а с целью остановки их роста и некоторого понижения, выравнивания цен по отдельным районам, наряду с этим обеспечение хлебом городов и неурожайных районов. Для выполнения этой задачи на протяжении всего года, в сложной обстановке, созданной неурожаем, необходимо сосредоточить в руках хозяйственных органов хлебные массы в четыреста миллионов пудов. От заготовительных организаций требуется большое напряжение, приспособление аппарата и планов к пестрой карте нынешнего урожая, согласованная политика для того, чтобы собрать своевременно эти хлебные массы и не дать их перехватить частным перекупщикам и спекулянтам.

Целью нашей политики регулирования не может, однако, являться снижение хлебных цен до прошлогоднего уровня, так как в этом случае снова повторились бы болезненные явления—«ножниц», кризиса сбыта, которые страна переживала осенью прошлого года. Хлебные цены, если они и будут снижены, останутся поэтому все-таки выше прошлогодних. С этим фактом более высоких хлебных цен необходимо считаться при оценке наших хозяйственных перспектив.

Другим фактом такого рода является ликвидация ножниц, близкое к нормальному отношение цен на промышленные и сельско-хозяйственные товары. В результате, вместо кризиса сбыта, который развертывался в прошлом году как раз в эти месяцы, теперь наблюдается, наоборот, несмотря на перспективы плохого урожая, усиливающийся спрос и голод на предметы массового, главным образом, крестьянского потребления.

Наконец, третьим отличительным моментом обстановки настоящего года является твердая валюта. В прошлом году мы переживали в это время борьбу червонной и падавшей бумажной валюты. Все потери и неудобства, связанные с последней, приходилось испытывать прежде всего крестьянину, так как эта бумажная валюта шла на обслуживание торговли с деревней. Это обстоятельство действовало в том же направлении, что и ножницы, т.-е. замедляло процесс укрепления связей крестьянского хозяйства с рынком и понижало его спрос на продукты промышленности.

Твердая валюта, высокие цены на хлеб, ликвидация ножниц и денежный налог — все это будет действовать теперь в другом направлении, в сторону большего вовлечения крестьянского хозяйства в рыночный оборот. У крестьянина будет больше побуждений выбрасывать хлеб и другие свои продукты на рынок и вместе с тем больше побуждений покупать промышленные товары, как для своего личного потребления, так и для удовлетворения нужд своего хозяйства. Процесс товаризации крестьянского хозяйства, расширения его связей с рынком пойдет в этом году несомненно быстрым темпом. Он будет происходить как в форме вовлечения в рыночный оборот тех крестьянских хозяйств, которые до сих пор мало или совсем не были связаны с рынком, так и в форме усиления «товаризации» уже связанных с рынком крестьянских хозяйств. В последнем случае крестьянин будет относительно большую, чем раньше, часть своих продуктов реализовать на рынке и все большее место в своем потреблении, личном и хозяйственном, отводить продуктам нашей промышленности. Высокие цены на хлеб означают значительное увеличение покупательной силы крестьянства по сравнению с прошлым годом. Процесс товаризации крестьянского хозяйства будет действовать в том же направлении. Все это вместе дает основания предполагать, что, если даже урожай этого года несколько меньше прошлогоднего—спрос со стороны крестьянства на продукты промышленности не только не изменится по сравнению с истекшим годом, но значительно возрастет. Крестьянский рынок, вследствие того, что крестьянин будет реализовать на рынке относительно большую долю своей продукции и по более высоким ценам, таким образом расширится и сможет поглотить больше промышленных товаров, чем в прошлом году.

Значит ли это, что вообще рынок для нашей промышленности расширяется?

На этот вопрос придется ответить отрицательно. Повышение цен на хлеб означает соответствующий вычет из доходов тех слоев населения, которые этот хлеб покупают. При одном уровне своих доходов рабочие, служащие, остальные слои городского населения, крестьяне, покупающие хлеб, будут вынуждены относительно большую долю своих доходов тратить на покупку хлеба и других сельско-хозяйственных продуктов. Соответственно этому, спрос их

на продукты промышленности должен неизбежно понизиться. Расширение крестьянского рынка будет поэтому происходить за счет сокращения городского рынка, и плюсы, которые получатся на одной стороне, будут уравновешиваться минусами на другой.

Этот процесс будет являться прогрессивным фактором для нашей промышленности, так как он будет сопровождаться качественным изменением спроса и будет толкать нашу промышленность к переходу на массовое производство, к выработке продуктов, нужных крестьянину. Но самый об'ем рынка останется, повидимому, прежним или, при теперешнем положении цен и доходов, увеличится лишь незначительно. Перед промышленностью встает поэтому задача найти выход из этого положения и, несмотря на всю трудность обстановки, отыскать способы, которые бы дали возможность расширить емкость всего рынка промышленных товаров и тем самым обеспечить, по крайней мере, прежний темп своего восстановления.

Ник. Карев.

Марксистская критика и критика марксизма.

„Свобода критики означает не замену одной теории другою, а свободу от всякой целостной и продуманной теории, означает эклектизм и беспринципность".

Н. Ленин („Что делать").

I.

Явления мимикрии и вырождения так же свойственны современному обществу, как и насекомым и пресмыкающимся животного царства. Однако, формы, в которых они развиваются у различных классов, бывают различны, в зависимости от природы и особенностей положения этих классов. Если представители вырождающейся буржуазии по большей части облачаются в ризы пророков, сквозь которые, однако, достаточно явственно вырисовываются гнойники, подтачивающие их организм, то люди, не выдерживающие всех тягостей пролетарской борьбы, чаще всего рядятся в мундиры присяжных критиков. В то время, как апостолы закатывающейся буржуазной культуры, которым, впрочем, даже из библейских апостолов родственен лишь один Иуда, провозглашают конец мира и во имя его торжество солдатского сапога (Шпенглер), в это же самое время кумиры оппортунизма служат беспрерывные молебствия богине свободы, прежде всего «свободы критики».

Марксизм в наше время в общественной науке возвышается, как скала, о которую бесплодно разбивается вот уже несколько десятков лет нескончаемый поток творений и писаний всех дипломированных слуг господствующих классов. Но в этом потоке мы можем разобрать совершенно отчетливо три течения, по очереди сменяющие друг друга в истории новейшего времени. Если на самой заре появления марксовской теории оружием, направленным против нее, был заговор молчания, если в следующий за ним период мир являлся свидетелем неслыханной демонстрации бездарностей, во всех углах нашего земного шара опровергавших марксизм, то в наш век борьба против марксизма расчитывает на успех лишь в том случае, если она сама выступает, подкрасившись под марксистский флаг. В наше время основным врагом марксизма является того типа марксизм, о котором еще Маркс говорил, что в отношении этого «марксизма» он—не марксист. Именно здесь все враги революционной теории ищут тот волшебный ключ, при помощи которого можно было бы открыть какой-

нибудь, хотя бы потаенный подземный ход в неприступную твердыню марксовской науки.

В настоящих условиях, и особенно, конечно, в условиях Советской России, нельзя выступать против марксизма с открытым забралом. Не только потому, что, как пишет один наш журнал [1]), «желающий что-либо сказать — не осмеливается, у него не хватает духа, он боится, как на это будут реагировать»,—так рассуждают только люди услужающие, вообще далекие от каких бы то ни было принципиальных споров,—но и потому, что марксизм стал ныне общепризнанной теорией, проверенной каждодневным опытом миллионных народных масс.

Человек, который в наше время выступил бы против марксизма с голым его отрицанием, незамедлительно похоронил бы себя без всяких почестей даже среди представителей «науки»—апостолов капитализма. Это—свидетельство огромной победы, одержанной марксизмом, но вместе с тем и огромных же для него опасностей. Не только сознательные враги пытаются подчас подкрепить свою нечленораздельную речь крупицами псевдомарксистской фразеологии, но и некоторые не особенно умные, а главное—не особенно устойчивые попутчики марксизма очень часто проносят, прикрываясь его знаменем, далеко не марксистские понятия и идеи.

Бороться с этими попутчиками и разоблачать их—одна из важнейших задач марксистской критики—основная ее задача. Эту задачу ставит перед подлинно марксистской критикой во всю ширь вся современная нам обстановка. Лишь неуклонно выполняя эту задачу, можно сохранить в чистоте знамя пролетарской революционной теории, знамя марксистской «догмы». Совсем незачем бояться этого слова. Под флагом борьбы против «догматического» марксизма всегда выступали самые далекие от марксизма реформисты типа Бернштейна. За «догму» Маркса, догму учения, об'единившего вокруг себя миллионы, оправдавшего себя на опыте более полустолетия ожесточеннейшей классовой борьбы, «догму»—критическую по самой своей природе, всегда выступало все, что было лучшего в рабочем движении. Если под прикрытием борьбы с «догматизмом» выступает на самом деле ревизия этой догмы, то обязанностью всякого марксиста является выступить за догму Маркса, против догмы критики во что бы то ни стало.

II.

Современная нам советская действительность есть в основном своем разрезе борьба двух существующих, противоположных друг другу сил—капитализма и социализма. Носителем социалистического начала является пролетариат, его партия, руководящаяся учением Маркса и Ленина; носителем капиталистического начала является нэповская буржуазия со всем штатом ее настоящих и возможных, сознательных и бессознательных сородичей и прихлебателей. Это основные, определяющие силы. В конечном счете всякое явление общественной жизни служит той или другой. В конечном счете всякое выяснение широким массам трудящихся

[1]) „Октябрь Мысли", № 5—6, стр. 17.

смысла их борьбы служить пролетариату, социализму, всякое затуманивание этой борьбы идет на пользу противоположной стороне. С этой, и прежде всего, с этой точки зрения, мы должны подходить ко всякому стоящему перед нами вопросу.

С этой же точки зрения мы должны подойти и к тем настоящим и возможным уклонениям от марксизма, которые порождает в современных нам условиях советская действительность, которые, к сожалению, на нашей почве расцветают уже пышными цветами, хотя и дают не особенно доброкачественные плоды. Нас интересуют в данном случае лишь основные тенденции. Мы не можем подробно разбирать здесь каждую из них. Нашей задачей будет лишь попытаться наметить важнейшие их социальные корни. Зная, где можно ожидать прорыва, легче заранее подготовиться его ликвидировать.

Из того соотношения между классами, которое мы имеем в Советской России, можно наметить несколько таких возможных путей, по которым может просачиваться в марксизм—и отчасти уже просачивается—чуждая нам идеология.

Это прежде всего влияние нэповской буржуазии, шире—возродившейся у нас рыночной стихии, товарного хозяйства, в условиях которого социалистическая индустрия борется с частным посредником, поднимающими голову кулаком и нэпманом. На нашу нэпманскую буржуазию нельзя переносить обычных шаблонов характеристики буржуазной идеологии. Это совершенно своеобразная социальная категория, появившаяся в совершенно необычных условиях. Больше всего у нее общих черт с буржуазией эпохи первоначального накопления. Но много и отличий. Она не призвана сыграть никакой прогрессивной исторической роли. Она—неизбежные faux frais врастания в социализм при условиях сохранения товарного хозяйства, особенно в отсталой стране. Она—класс почти без прошлого и без всякого исторического будущего. Это—дитя исторической минуты. Отсюда в ней чувство неустойчивости своего существования, узкий практицизм, погоня за удовольствиями, такими же легкими, как скоропреходящая судьба ее, и такими же грубыми, как культурно неотесана ее психология. Наш нэпман—незаконный, побочный сын эпохи, живущий краденым у нее и торопящийся его прожить. Он, может быть, даже материалист, но материалист в вульгарном смысле этого слова, незабывающий оставить лазейку для бога и души, которые тоже ведь могут когда-нибудь пригодиться! Он — оригинал, бледной тенью с которого является Эммануил Енчмен.

Влияние нэповской буржуазии необязательно вовсе вульгарно представлять в виде непосредственного воздействия нэпманов на того или иного «идеолога» или в виде сознательного отхода к ним того или иного горе-мыслителя, или — еще хуже — горе-«марксиста». Идеологи классов воспитываются более тонким образом, их заражает самая обстановка, в которой они оказываются. У нас буржуазное влияние просачивается в мозги не особенно устойчивых людей через рынок. Это его духом питается всякого рода практицизм, скепсис по адресу теории, энтузиазм узколобо-понятой практики, переходящей в дурного тона практичность. Отраженным путем отсюда же идет поход на абстрактный анализ капитализма, его законов и т. д., в современной советской обстановке.

Ибо легко понять, что если следовать многим, очень увлекающимся конкретностью, комплексностью и т. д., товарищам, и заменить изучение марксовского анализа капитала—описанием и разбором советского хозяйства, то без абстрактного анализа Маркса не понять и социального смысла нашего хозяйства, борющихся в нем хозяйственных систем, путем их развития. Воистину только схоласт может отрицать связь теории с практикой, необходимость давать при обучении воспитываемому не одну голую теорию, а теорию, основанную на опыте, об'ясняющую практику. Но является худшего типа хвостицизмом, хотя бы и советским, недооценивать роль теории, той теории, которая выясняет законы развития капитализма, законы развития капиталистического общества, которая за преходящей пеленой явлений повседневной жизни учит видеть борющиеся классы.

Отражение все того же буржуазного влияния в современной нам философии мы находим и в возрождающемся ныне позитивизме, и в некритическом перенесении методов естественных наук на науки общественные, так характерном для буржуазной социологии[1]).

Современный позитивизм связан, главным образом, с именем Павлова. Мы вовсе не собираемся отрицать здесь гигантское значение опытов Павлова для материалистической философии. Вопреки своей воле, как ученый, Павлов работает на материализм. Это общепризнано. Но, к сожалению, до сих пор еще не общепризнано, что как только он сам переходит в область философии—он позитивист, как только же пытается перевести его теорию на рельсы общественной науки—так сейчас же мы имеем вульгаризацию марксизма, затуманивающую физиологическими аналогиями диалектику классовой борьбы. Можно сказать, что философски Павлов примыкает целиком к идеологу ранней французской буржуазии, Декарту, с его научным материализмом и философским дуализмом. Не даром же так влюблен в Декарта пытающийся исходить из Павлова, в своей вульгаризации последнего, несравненный Енчмен.

Таким образом первая опасность, нам грозящая, приводит к выводу—задача марксистской критики бороться со всеми отражениями буржуазной, рыночной стихии во всех этажах нашего идеологического здания—против пренебрежения к теории, против упрощенства и вульгарного практицизма, против позитивизма и отрыжек буржуазной социологии — за диалектический материализм, за теорию классовой борьбы Маркса.

---

[1]) См., напр., статью проф. Рейснера „Рефлексы академика Павлова и идеология в учении Маркса", во все том же журнале для „молодых, подростающих коммунистических сил"—„Октябрь Мысли", № 5—6, в которой он утверждает, что психологию класса мы, после открытий Павлова, Штейнаха, Воронова и др., должны изучать с точки зрения того, „в какой степени имеется расточительная трата человеческой энергии на внешнюю секрецию, и в какой основная энергия, путем внутренней секреции, переводится в различные разряды интеллектуальной и высшей (??) общественной (??) деятельности" (стр. 9).

Пусть сам читатель решит, какое все это отношение имеет к марксизму и насколько вредно подменивать физиологической фразеологией действительные задачи общественной науки—выяснение отношений, возникающих в обществе на почве собственности, классовой борьбы и т. д.

III.

Советская страна не принадлежит, и к счастью, и к сожалению, к сказочным странам, находящимся на краю света и отрезанным от всего мира. Мы живем в окружении распадающегося и злобствующего капиталистического мира. Предсмертные вопли одних его обитателей доносятся до нас так же, как и возгласы надежды других. И так же, как струны рояля, отзываются в тон на каждый соответствующий им звук, так же и различные классы внутри нашей страны тысячью нитей связываются с соответствующими классами, живущими по ту сторону границы. Однако, западная буржуазия поставляет нам свой гнилой товар не только для чувствующей непреодолимое к нему влечение нашей нэпманской буржуазии, но подчас заражает им и наиболее шаткие элементы в нашей собственной среде. Особенно трудно бывает бороться с этой контрабандой тогда, когда она преподносится под ярлыком науки, привлекая к новинке все, падкие к новому, во что бы то ни стало, головы. Естественно, при этом, что философия идеологического распада буржуазного Запада и у нас находит себе обильную почву в тех огромных процессах деклассирования и распада целых общественных классов, которые мы изжили за годы революции. На этой почве растет увлечение у нас фрейдизмом. Вместе с тем, до нас доносится как бы пряный запах Вены, замирающего города, столицы без страны, вертепа, в котором правят всесильные антантовские биржевики, все равно скрываются ли они за спинами социал-демократ. девственного тела Отто Бауэра или христианских социалистов, весь социализм которых в том, что они лишены какой бы то ни было собственной... воли. Дух венской богемы—родина проф. Фрейда. Это не значит, что мы отрицаем какое бы то ни было значение за отдельными положениями, особенно в ранних произведениях Фрейда. Но фрейдизм в целом, в последних его изданиях, особенно фрейдизм, как социология,—несомненная теория загнивающей психики. Сочетать его с марксизмом—поистине чудовищное дело! Заражаясь им, мы отдаем дань людям новой эпохи уходящему миру.

Такую же дань представляет собой проникающее и к нам увлечение в западно-европейской, даже коммунистической, литературе—Гегелем. Как и во всякой лжи, и в этой есть доля истины, может быть, большая, чем во многих других случаях. Увлечение Гегелем-диалектиком было совершенно законной и необходимой реакцией на оппортунистическое пренебрежение им у большинства теоретиков II Интернационала. Но вместе с тем, как революционные марксисты, во главе с Лениным, искали в Гегеле дополнения к Марксу, меньшевики искали в Гегеле противоядия марксовой теории государства (Кунов), а буржуазные апологеты—орудия против марксизма в самом его фундаменте. На почве всех этих течений в группах интеллигентов, примыкающих к коммунистическому движению и не обладающих достаточной материалистической культурой, Гегель был воспринят не только, как диалектик, но и как идеалист. Стал распространяться вместо диалектического материализма диалектический идеализм, иногда даже с примесью интуитивизма Бергсона. И здесь нашей задачей является повести решительную борьбу с этим новым вывертом псевдо-марксистской мы-

ли, с мистикой, с логическим идеализмом, прикрывающимся якобы диалектическими фразами[1]).

Против идеализма, каким бы флагом он ни прикрывался, против мистики, против идеологии загнивающих классов, за марксизм, за материализм!

IV.

Третий источник опасностей, грозящих нам принести под оболочкой марксисткой критики, развития марксизма—отрицание его, представляет крестьянская мелко-буржуазная идеология. Крестьянство неразрывно связано с рынком. В результате каждого нашего хозяйственного поражения, оно укрепляет нэповскую буржуазию. Оно—необходимый, но не всегда верный спутник пролетариата. Мы должны с величайшей резкостью выступать против всякой недооценки роли его, как союзника, для борющегося пролетариата. В союзе с крестьянством суть ленинской тактики. Но еще более преступно закрывать глаза на трудности этого союза. Не только политические, но и идеологические трудности. Надо понимать роль крестьянства, но нельзя окрестьяниться. Эта опасность есть. Она может и будет расти. Нужна величайшая ясность в этом вопросе, надо воспитывать в ней самые глубокие слои коммунистов, рабочего класса. Лишь совершенно здраво учитывая, как мы ведем мелкую буржуазию, куда она склоняется и куда мы должны и можем в данных условиях ее привести—можно не плестись в хвосте стихии, а руководить ею по направлению к социализму.

Влияние мелкой буржуазии, обывательщины, сквозит почти во всех творениях, направленных на требование «свободы критики» полных хныкающих жалоб на существующий якобы у нас застой в марксизме. Мелкий буржуа вечно недоволен, вечно чего-нибудь ищет, вечно чего то ждет и никогда не видит того, что действительно творится нового. Такова уж его социальная природа. Его собственная боязнь дотронуться до любого серьезного, теоретического или практического вопроса, потому что он никогда в себе неуверен, всегда боится сбиться, толкуется им как всеобщая болезнь, приводящая к состоянию «штиля». Он болеет «проклятыми вопросами». Он тянется «к практике». В теории ему скучна критика буржуазного строя, которая, ему кажется, ничего не об'ясняет в современности, так как он слеп на оба глаза в понимании того, как в этой современности именно отживающий и побеждаемый критикой. буржуазный строй борется со строем будущего. Он видит только настоящее, не видит в нем диалектической смены прошлого будущим. Он поэтому требует вроде того, как Ив. Меницкий в статье «О задачах современной марксистской критики». в «Октябре Мысли», чтобы марксистская мысль спустилась с «абстрактных философских высот на почву конкретной повседневной действительности». Он не понимает, что эти «высоты» сами отра-

[1]) См., например, у нас соответствующие места в работе С. Айнзафта, о теории равновесия т. Бухарина, в которой автор критикуя теорию равновесия, сам в то-же время заявляет „что развитие происходит лишь в области органического мира и человеческой истории“ (у Лукача тоже диалектики в природе нет). Неясно только, как наша планета сумела тогда развиваться до появления организмов на земле.

жают действительность, составляют необходимую ее составную часть, необходимое ее орудие и что, наоборот, «конкретная повседневная действительность» сама есть нечто в высокой степени философское для материалиста, нечто такое, что нельзя понять и изменить не пользуясь оружием этой философии. Единственная программа, которую он может выставить, есть «критика».

Голос требования критики, не сопровождающийся анализом того, кого следует критиковать, за что и в чем—либо пустое место, либо беспредельная «тоска по родине» мелкого буржуа, как это и имело место в ревизионизме, для которого марксизм этой родиной не является.

Марксисты—за критику. Марксизм по самому существу своему есть оружие критики. Но не за беспредметную критику во имя критики, а только такой и является критика, когда ее требуют без конкретного анализа предмета критики.

Критика во имя критики превращается на деле из марксистской критики в критику марксизма [1]). Задача всякого марксиста против подобной критики тоже требовать свободы критики, свободы марксистской критики критиков марксизма.

Надо научиться раз и навсегда разграничивать то и другое. Надо учиться распознавать за излияниями сугубых любителей «критики», их подлинное некритическое—в сторону от марксизма, ленинизма — лицо. Задачей марксистской критики должно быть либо избавлять их от этой односторонности, либо заставлять обнаруживать обезображивающий их лицо флюс.

Мы—за критику. За критику с точки зрения марксистской «догмы» и все, что сейчас растет и зреет анти-марксистского на фоне происходящей у нас и во всем мире классовой борьбы, всего, что растет и зреет псевдо-марксистского в нашей собственной среде.

Здесь—основные опасности нашего времени. И если мы здесь будем в тысячу раз зорче, чем до сих пор, то прямые враги марксизма еще не раз переломают себе зубы о настоящую революционную теорию и, в конце-концов, настанет время, когда они потеряют не только исчезнувший уже у них зуб мудрости, но и голову.

---

[1]) Или, если сказать по существу нечего, принципиальных аргументов за душой нет, то в что-нибудь подобное заметке Б. Пепла в № 5—6 „Октября Мысли“—„О наших литературных нравах“, с подтасованными цитатами и неслыханным письмом в редакцию, с развязностью невежды, подменяющим спор по существу личными выпадами. Это воистину предел нравственного падения.

А. Слепков.

О пропаганде ленинизма в рабочей партийной школе*).

Вторая половина занятий — логически-тематическая проработка ленинизма — таким образом, уже имеет фундамент в виде конкретно-исторических знаний.

На основе последнего мы, безусловно, можем подвести членов кружка к разрешению проблем в их теоретической постановке.

Это неверно, что рабочая партийная аудитория не в состоянии осилить теоретических трудностей, связанных с этими проблемами.

В нашей литературе о Ленине, уже несколько товарищей (особенно четко тов. Бухарин) выявили одну из особенностей Ленина, как пропагандиста.

Ленин был первоклассным теоретиком. Для себя он продумывал всякую проблему во всей ее теоретической сложности и многосторонности. У Ильича нет ни одной газетной статьи, в подпочве которой не трепетала бы глубокая теоретическая мысль, не было бы большой продуманности проблемы со сложно-детальной аргументацией.

Все эти исторические, понятные широчайшим массам лозунги, за которыми шли миллионы («превращение империалистической войны в гражданскую», «власть Советам», «грабь награбленное», «смычка пролетариата и крестьянства»)—являются продуктом громадной теоретической работы.

Но Ильич переводил свою теоретическую аргументацию на язык миллионов, давал ей популярную формулировку, проделывал громадную педагогическую работу. И этому у него надо учиться.

Можно проработать проблему смычки пролетариата и крестьянства в квалифицированном марксистском кружке; здесь необходим большой научно-теоретический обхват и сложное теоретическое построение курса. Эту же проблему можно поставить — после проработки истории партии — в первоначальной рабочей партийной школе; здесь нужны та же теоретическая ясность и хорошая подготовленность руководителя, — но необходима и педагогическая обработка курса, некоторое методическое упрощение проблемы, конкретизация в постановке вопросов, что совершенно не исключает теоретического построения аргументации

---

*) См. Статью первую в № 9 „Большевика“.

и т. д., больше всего нужно бояться превращения занятия в сусально-беспроблемное, кастрированно-упрощенное словопрение о совершенно известных, затасканных, ничего нового не дающих положениях.

В педагогике так же, как и в политике, следует бороться с «хвостизмом». Нужно будить теоретическую мысль; опираясь на громадный политический опыт нашего партийного рабочего, воспитывать в нем навыки теоретического мышления, способствуя росту этого рабочего.

И лучшим, педагогически сильнейшим руководителем в этом деле будет Ильич, с его прекрасными статьями, популярными и вместе с тем теоретически-серьезными, с логически-заостренными углами.

Поэтому мы считаем необходимым во второй части занятий, непременно дать учащемуся самого Ильича.

Правда, раньше, чем Ильича будут понимать,—члены кружка пройдут полосу издержек обучения чтению вообще.

Здесь обычно встречаются два затруднения.

Во-первых, конкретное мышление не привыкшего к чтению участника кружка, будет упираться в частные положения; читающий будет понимать отдельные места, каждое в отдельности, и не понимать логической сцепки этих по отдельности понятых положений.

Нужно научить при чтении улавливать план всего куска, всей главы, всей статьи.

Поэтому следует прочитывать более или менее законченный логически кусок; затем нащупать его логический скелет, выявив и зафиксировав план, а затем уже обследовать каждое звено обнаруженной цепи положений.

На это надо потратить несколько занятий, ибо без умения уловить и понять план статьи нет умения читать.

Второе затруднение будет заключаться в непонимании многих слов и выражений; их обходить нельзя. К литературному языку надо приучать, раз'ясняя каждое слово, приучая его запоминать.

Несколько таких занятий по коллективному чтению — чрезвычайно облегчат проработку курса.

Наиболее удачно написанным пособием по ленинизму является книжка тов. Сталина—«О Ленине и ленинизме».

Можно поставить занятия по тому плану, по которому построена эта книга.

В нашей практике оправдывал себя, примерно, следующий план:

1. Ленин и диктатура пролетариата.
2. Ленин—партия—рабочий класс.
3. Ленин, крестьянство и коммунизм.
4. Ленин—партия—буржуазия.
5. Ленин и Коминтерн.
6. Ленин и национальный вопрос.
7. Ленин и организационные принципы большевизма.

Круг проблем, затрачиваемых этими темами, представляется нам в следующем виде.

I. Ленин и диктатура пролетариата.

1. Социально-политическая теория и практика. Неправильность положения о меньшевиках, как революционерах в теории и контр-революционеров в политической практике.

Контр-революционная теория увязывается в контр-революционную практику. (Оборонческая теория Плеханова в «Истории русской общественной мысли» перед войной и практически оборонческая позиция во время войны; ревизия марксистской теории классов А. А. Богдановым и «Рабочая Правда», как его идейное детище; Каутский, как ревизионист в теории социалистической революции и диктатуры пролетариата и реформист в практике и т. д.).

«Без революционной теории нет революционного движения». Ленин, как революционный теоретик и практик.

2. Проблема социалистической революции и диктатуры пролетариата, как основная проблема эпохи. Две теории двух Интернационалов. Каутский и Ленин, как антиподы.

Меньшевистская теория (Каутский).	Большевистская теория (Ленин).
Буржуазно-демократический парламентский строй.	Бурж.—парламентский строй.
Эпоха врастания в социализм от буржуазной демократии.	Социалист. революция, как насильственный переворот.
Коммунизм.	Эпоха диктатуры пролетариата, как эпоха врастания в социализм.
	Коммунизм.

У меньшевиков врастание в социализм начинается в условиях экономического и политического господства буржуазии, у большевиков—после социалистического переворота, отправляясь от диктатуры пролетариата.

3. Критика меньшевистской теории. Невозможность социалистического строительства без революционного преодоления буржуазии.

4. Меньшевистский и большевистский пути революции в их исторической конкретности.

«Рабочее» правительство Макдональда — и Советское правительство ССР.

Анализ их социального содержания и политики.

Литература для слушателей [*]): Ленин, Собр. соч. т. XVI, ст. «Выборы в Учредительное Собрание»; он же, т. XIV, ч. II. «Государство и революция» (особенно I и V главы, которыми, в крайнем случае, можно ограничиться). Для руководителей кроме того: Ленин, т. XV, «Пролетарская революция и ренегат Каутский»; Бухарин — «Атака», ст. «Теория пролетарской

[1]) Всюду, где мы указывали литературу, следует включать книгу Сталина, о которой мы уже упоминали в настоящей статье.

революции»; Каутский—«Диктатура пролетариата»; он же—«От демократии к государственному рабству».

II. Ленин—партия—пролетариат.

1. Класс и партия. РКП как выразитель интересов пролетариата в целом (а не отдельных его частей); и в развитии (т.-е. исторических, а не минутных, неправильно понятых «интересов»).

2. Стихийность массы и сознательность партии. Моменты, когда направление стихийно-массового и сознательно-партийного движения—одно (Октябрьская революция, например). Моменты, когда сознательно-партийное движение вынуждено противопоставить направлению стихийного движения масс свое направление (например, эпоха «Экономизма»).

Моменты, когда сознательно-партийная политика культивирует в стихийном движении его революционные элементы и преодолевает реакционные (например, наша тактика 9 января 1905 г.).

Сознательность партии и заключается в умелом представительстве реальных интересов пролетариата в целом и в развитии.

3. Неоднородность партии по социальному составу. Интеллигенция, рабочая аристократия, крестьянское охвостье в пролетариате — как наиболее подверженные влиянию буржуазии части партии.

4. Уклоны в рабочем движении, как продукт буржуазного влияния, выражающегося в различных формах. До диктатуры пролетариата эти уклоны—находят социально-политическое воплощение в особых партийных организациях (меньшевизм, левые организации), после установления диктатуры пролетариата, осуществленные чрез диктатуру партии — уклоны проявляются в более бледном виде—внутри коммунистической партии («уклончики»).

5. Характеристика уклонов. Общее во всех уклонах. (Уклонение от марксизма в практике сопровождается неизбежно ревизией его теории. Об'ективно-вредный характер всех уклонов с точки зрения реальных интересов пролетариата).

Различие уклонов. «Правые» и «левые» уклоны. Относительность этой классификации.

Правые уклоны—за такие соглашения с другими классами, в которых пролетариат должен уступить свои основные классовые позиции («соглашательство»).

Левые—против всяких соглашений, даже таких, которые укрепляют позицию пролетариата и спасают его положение (левый коммунизм, и его позиция в Бресте; рабочая оппозиция и отношение к нэп'у и т. д.). Цеховщина—в идеологии «левых», проявляющаяся теоретически в подмене многоклассового общества—обществом, состоящим из одного пролетариата.

6. В борьбе с этими уклонами и их представителями, как «врагами рабочего класса, вырос, закалился и окреп российский большевизм».

Проблема раскола. Различие в постановке проблемы до диктатуры пролетариата и во время последней. Раскол партии, стоящей у власти; есть раскол государственной власти. Необходимость исчерпывания всех возможностей воспитательного движения на «уклоняющиеся» части партии.

7. Партия, как руководитель всех организаций рабочего класса (госуд. власти, профсоюзов и т. д.). Борьба с «нейтрализмом» («нейтрализм профсоюзов»; «анархо-синдикалистический» уклон в нашей партии, как нейтрализм наизнанку; «беспартийность» Советов, отодвигание государ. аппарата от партии—сапроновщина—и т. д.).

Литература для слушателей: Ленин.—«Что делать?» (глава «Стихийность масс и сознательность партии»); он же—«Детская болезнь левизны» (главы: «Главные этапы в истории большевизма», «В борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм», «Никаких компромиссов»); он же—«Новые времена, старые ошибки в новом виде». Для руководителей — все статьи Ленина против меньшевиков и левых, вплоть до XI с'езда партии.

III. Ленин, крестьянство и коммунизм.

1. Аналогичность основных тенденций в капиталистическом развитии сельского хозяйства и промышленности.

Борьба Ленина против ревизионистов и народников, опирающихся на ревизионистов.

Теоретическая критика. Конкретно-экон. анализ. Особенности диалектико-статист. метода исследования Ленина (изучение процессов, учет связи явлений, анализ противоречий в развитии общества). Применение этого метода к изучению деревни.

2. Замедление темпа развития капитализма в сельском хозяйстве, в связи с природно-естественно и социально-политическими (пережитки крепостного режима) условиями в сельском хозяйстве.

3. Неизбежность наличия в отсталых странах и колониях докапиталистических отношений в эпоху мировой революции.

Ленинская постановка вопроса о возможности перехода колониальных отсталых стран к социализму при условии победы пролетариата в экономически и политически решающих странах.

К моменту социалистической революции, когда в решающих, передовых, крупнейших странах, пролетариат имеет необходимые об'ективные предпосылки этой революции, существует еще большое количество земледельческо-колониальных стран, не прошедших через буржуазную революцию.

Проблема революционной смычки мирового города и мировой деревни. Как эта проблема решается II и III Интернационалом.

4. НЭП, как система сцепки социалистического города и простого товарного (в массе) хозяйства деревни.

Проблема революционной смычки города и деревни в России. Деревня освободилась в октябре от крепостнических пут, пролетариат от капиталистических.

Нэп и его смысл. Обеспечение условий товарного, частного

производства крестьянству в эпоху диктатуры пролетариата, который обладает основными средствами производства (фабрики, заводы, транспорт, земля) и имеет политическую власть.

5. Кооперативное вростание в социализм. Эсеровская постановка вопроса о «социалистическом» кооперировании крестьянства. Наша постановка вопроса.

Путь революции кооперации. Кооперация потребительская, промысловая, производственная. Путь от кооперации, как об'единения в области купли-продажи, в об'единение общественно-производственного характера.

6. Учет особенностей мелко-буржуазного производства, как условие успешности социализма в деревне.

Через кооперацию мы идем к уничтожению мелко-буржуазного производства, но эту задачу мы разрешим, только реалистически учитывая особенности мелко-буржуазного крестьянского производства, как об'екта приспособления, как данного отправного пункта пути к социализму.

Экон. политика и учет этого характера крест. хозяйства. Так называемая проблема «ножниц». Проблема твердой валюты в свете отношений пролетариата и крестьянства и т. д.

Учет роли и характера мелко-буржуазного окружения в нашей социально-политической работе (борьба за гегемонию в крестьянских советах, опора—в бедноте и с.-хоз. пролетариате, борьба против контр-рев. лозунгов «беспартийных Советов» и «беспартийных крестьянских профсоюзов»).

Внутрипартийные проблемы и учет роли и потенций мелко-буржуазного крестьянского окружения. Так наз. проблема «Чистой внутрипартийной демократии» и невозможность ее рассмотрения изолированно от учета классовых отношений в стране, в первую очередь учета роли крестьянства.

Литература для слушателей:

Ленин, т. XIV, ст.ст. «Крестьяне и рабочие», «Новый обман крестьян партией с.-р.», «Один из коренных вопросов»; Он же «О продналоге», ст.ст. «О кооперации», «По поводу записок о революции Суханова», доклад на II конгрессе по колониальному и национальному вопросу.

Для руководителей. Он же «Развитие капитализма в России»; весь IX том соб. сочинений; отчеты о деятельности ЦК на парт. с'ездах в эпоху диктатуры пролетариата, весь XVIII том.—собр. сочинений.

IV. Ленин — партия — буржуазия.

1. Тактика РКП по отношению к буржуазии в эпоху буржуазной революции. Использование буржуазного движения, однако без хвостиского приспособления к нему. Разоблачение буржуазии и борьба против организационных об'единений с политическими формациями либеральной буржуазии.

2. Социалистический переворот и тактика партии в отношении буржуазии. «За горло и коленом на грудь». Насильственное преодоление военно-политической мощи

буржуазии; экспроприация экспроприаторов. Лишение буржуазии политических прав.

3. Эпоха нэп'а и наша политика в отношении буржуазии. Сохранение основных средств производства за пролетарским государством. Сохранение политической бесправности буржуазии.

Допущение буржуазного способа производства, регулируемого пролетарским государством и подчиненного законам пролетарского государства.

Смысл в увеличении прибавочного продукта пролетарского государства за счет буржуазии. Заключение экономических сделок, обеспечивающих рост социализма, более быстрый, чем рост капитализма (проблема «выгодности», концессионная практика и т. д.).

Использование противоречий между различными группами буржуазии (во внешней политике—в особенности).

Литература для слушателей: Ленин «О продналоге», для руководителей «Две тактики» (1905 г.). Он же, т. XI, ч. II, «Об уроках революции»; он же «Государство и революция»: XVII—XVIII тома собр. сочинений.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Е. Варга—„Очерки по аграрному вопросу“.

Том I, вып. I. «Московский Рабочий», 1924 г.

Не раз писалось в газетах и журналах, не раз говорилось на с'ездах, что слаб интерес к аграрному вопросу среди членов нашей партии, что слабо знание аграрных отношений. Этим об'ясняется отчасти то обстоятельство, почему в научной литературе вы находите популяризации VI отдела III-го тома «Капитала Маркса, кого угодно, только не ортодоксальных марксистов. Теорию земельной ренты Маркса старались ломать, калечить, ревизовать все, кому только не лень, а марксистских изложений этого отдела вы найдете с трудом. Можно без преувеличения сказать, что кроме известной главы Каутского в его «Аграрном вопросе» и Ленина в IX томе Собр. Сочин. мы не найдем марксистских выдержанных работ по этому вопросу. Борхардт, излагающий «Капитал», позабыл про VI отдел, как будто его совершенно не существует. Специальных монографий по теории земельной ренты в марксистской литературе не существует.

Между тем, практика революционной борьбы поставила в центре внимания аграрный вопрос. Октябрьская революция была вынесена до победного завершения на плечах рабочих и к р е с т ь я н; сохранение завоеваний Октября мыслимо только при союзе рабочего класса с к р е с т ь я н с т в о м как в области политики, так и экономики. Дальнейшее успешное развертывание мировой революции и завоевание власти пролетариатом «без создания прочных опорных пунктов среди сельского населения носит совершенно утопический характер» (стр. 7). Но решение этих задач требует от каждого агитатора и пропагандиста, от политика и стратега классовой борьбы, от хозяйственного работника—знания теории распределения доходов среди сельско-хозяйственного населения, знания тех слоев, на какие делится с.-х. население и знание тех интересов и чаяний, которыми живет каждый отдельный слой сельского населения. Поэтому наша партия в целом должна настроиться для преодоления этих задач. Изучение этих вопросов должно занять одно из первых мест в программах наших партшкол, начиная с низших и кончая высшими.

Рассматриваемый нами I-й выпуск «Очерков» в этом отношении имеет не только теоретический, но и чисто практический актуальный интерес. Он представляет из себя теоретическое введение, вернее, ключ к пониманию и сознательному усвоению содержания дальнейших выпусков об аграрных условиях отдельных стран, излагающих: необходимый статистический и описательный мате-

риал и важнейшие основы политической работы. I выпуск дает: 1) теоретическое исследование «на основе марксизма законов распределения доходов среди сельско-хозяйственного населения» (стр. 11); 2) «классовое деление с.-х. населения, принимая за основу его функции в производственном процессе и источники доходов» (стр. 38) и 3) дает ответ на вопросы: а) «какие из этих слоев положительно заинтересованы пролетарской революцией; б) какие слои могут быть нейтрализованы» (стр. 9). Выпуск чрезвычайно интересный по затрагиваемым им вопросам.

**
*

Самыми ценными являются главы VI, VII и VIII.

В главе VI автор дает классовое деление с.-х. населения, «принимая за основу его функции в производственном процессе и источники дохода... Исходя из точки зрения политической, мы намечаем прежде всего три основные группы:

I) к л а с с ы, р е ш и т е л ь н о в р а ж д е б н ы е п р о л е т а р и а т у;

II) к л а с с ы, к о л е б л ю щ и е с я м е ж д у п р о л е т а р и а т о м и г о с п о д с т в у ю щ и м к л а с с о м;

III) П р о л е т а р и а т и п о л у - п р о л е т а р с к и е с л о и».

К первой группе автор относит слои, живущие за счёт прибавочной стоимости, безразлично в форме ли земельной ренты или прибыли, а именно: 1) крупных земельных собственников, не выполняющих в производстве никакой полезной функции; 2) земельных собственников, занимающихся лично хозяйством; 3) капиталистических арендаторов и 4) крупных крестьян.

Ко второй группе он относит: 1) среднее крестьянство и 2) мелких крестьян, для которых земля «естественное условие использования их собственной рабочей силы». Доход как тех, так и других слагается из ренты, прибыли и заработной платы.

Наконец, к третьей группе автор относит: 1) полупролетариев и 2) с.-х. пролетариат. Доход первых получается от продажи своей рабочей силы и от дохода с собственного хозяйства; доход вторых образуется из одной заработной платы.

«Характернейшей чертою всего с.-х. населения — говорит автор, — за исключением крайних групп, т.-е. безземельного пролетариата и крупных землевладельцев, является неустойчивое классовое положение. В то время, как в промышленности классовые деления являются резкими и заметными для всякого, в сельском хозяйстве наблюдаются постоянные, почти непрерывные переходы от безземельного пролетария через карликового крестьянина и арендатора к мелким и средним крестьянам, а от последних к крупным и богатым крестьянам. Переходные грани носят расплывчатый характер» (стр. 9).

Этим обстоятельством об'ясняются многообразие, сложность и запутанность классовых интересов между отдельными слоями с.-х. населения. В главе VII тов. Варга, разбирая противоположность и общность классовых интересов среди с.-х. населения, устанавливает классовые антагонизмы:

между получателями и плательщиками ренты;
между работодателями и рабочими;

между продавцами и покупателями средств питания;
между сельским населением и городской буржуазией и
между крестьянством крупным, средним и мелким вместе взятым и землевладельцами.

Однако, в этом сложном лабиринте можно наметить следующие основные линии этих антагонизмов:

1) «Полупролетарский элемент составляет, вместе с собственно с.-х. пролетариатом, подлинный пролетарский класс, базис диктатуры в сельских местностях.

2) Мелкие и средние крестьяне могут от диктатуры больше выиграть, чем потерять, и потому в борьбе за диктатуру могут быть, по меньшей мере, нейтрализованы.

3) Все трудящееся крестьянство — особенно в странах с преобладающим крупным землевладением феодального характера — постоянно страдает от земельного голода и в своих широких массах склонно вступить в классовый союз с пролетариатом в целях проведения аграрной революции» (стр. 48).

Отсюда уже можно заключить насколько широкие возможности имеются в деревне для гибкой политики коммунистической партии. Социал-демократия, «рассматривая все крестьянство безразлично, как корыстного продавца средств питания и врага промышленного пролетариата, оказывает услугу буржуазии, вбивая клин между теми двумя классами, совместное действие которых безусловно необходимо для разрушения капиталистического общественного строя в большинстве стран мира» (стр. 8). Поэтому в главе VIII автор главную задачу коммунистической партии в деревне усматривает в том, чтобы вырвать широкие массы трудящихся крестьян из-под идеологического влияния крупного крестьянства, связанного с буржуазией и землевладельцами, — и установить боевой классовый союз между пролетариатом и трудящимся крестьянством под руководством городского пролетариата и его авангарда—коммунистической партии.

Все три главы написаны простым, живым, популярным языком. Автор здесь обосновывает, раз'ясняет, обучает и организует. Они составляют самую лучшую, самую ценную часть «Выпуска».

Внимания заслуживают также главы IV и V,—о ростовщической ренте, цене земли и земельном ростовщичестве. В главе IV автор разбирает различия между собственно рентой и арендной платой, в связи с чем устанавливает «ростовщическую ренту в виде разницы между стоимостью рабочей силы и фактически уплачиваемою с.-х. рабочему более низкою заработною платою» (стр. 28). Эта «ростовщическая рента может принять, по словам автора, также форму ростовщической аренды, когда с трудящихся крестьян берется арендная плата, далеко превышающая ренту в народно-хозяйственном смысле» (стр. 30). Нам кажется, что, прежде всего, здесь существует некоторая неясность или, вернее, неточность формулировки, аренда является конкретной формой всякой ренты, в том числе и ростовщической. Поэтому нельзя говорить, что в одном случае ростовщическая рента принимает, в другом—не принимает формы аренды.

Что же касается существа вопроса, то нам кажется, что ростовщической рентой можно назвать лишь тот излишек сверх собственно ренты, который своим происхождением обязан чрезмерной

эксплоатации личного труда мелкого, некапиталистического арендатора, «которые с раннего утра до позднего вечера тяжким трудом возделывают землю» (стр. 33).

Ростовщическая рента, равно как и земельное ростовщичество, захватывает, главным образом, мелких производителей и представляет из себя не что иное, как особые методы первоначального накопления капитала в рамках капиталистического общества.

***

Теперь остановимся на тех пробелах, которые, по нашему мнению, имеют место в первом «Очерке».

Первый и самый крупный из них имеет место в теоретическом исследовании законов распределения доходов среди с.-х. населения, это—роль, приписываемая закону убывающего плодородия почвы в теории ренты Маркса.

Отметив, что в рабовладельческом и феодальном обществах происхождение дохода с земли не представляло собою экономической проблемы, что «такою проблемою доход с земли становится только при современном капитализме» (стр. 12),—тов. Варга следующим образом формулирует эту проблему:

«Если мы на основе марксовой теории стоимости утверждаем, что каждый товар обменивается в соответствии со своею стоимостью, что под стоимостью разумеется не что иное, как содержащееся в товаре рабочее время, что прибыль с капитала представляет собою произведенную рабочими и присвоенную капиталом прибавочную стоимость, то перед нами встает вопрос: каким образом возможен чистый рентный доход с точки зрения марксовой теории стоимости?..

Каким образом может капиталистический арендатор, хотя он уплачивает рабочим стоимость их рабочей силы и получает среднюю норму прибыли на вложенный им капитал, уплачивать сверх того ренту землевладельцу?»

Ответ на эти вопросы гласит: «Возможность для арендатора уплачивать земельную ренту об'ясняется тем, что капитал, вложенный в культурных странах в сельское хозяйство, доставляет более высокую норму прибыли, чем обычная для данной страны средняя норма».

Но в таком случае возникает новый вопрос: «Почему прибыль, производимая в сельском хозяйстве, не входит в общую массу прибыли, производимой в стране? Каким образом может арендатор выручать на товарном рынке прибыль, превышающую среднюю норму прибыли и почему он вынужден этот излишек сверх средней нормы прибыли отдавать землевладельцу? Ответ на этот вопрос гласит: ... Основу возможности земельной ренты составляют частная собственность на землю и убывающее плодородие земли» (стр. 12, 13 и 14).

С последним положением автора мы никак не можем согласиться. Оно идет в разрез с учением Маркса, оно совершенно излишне для обоснования его теории ренты.

Какое содержание вкладывает тов. Варга в понятие «убывающего плодородия земли?». «Последнее заключается в том,—отвечает на наш вопрос автор,—что при каждой исторически-дан-

ной технике земледелия валовой урожай с данной площади земли, начиная с известного пункта, может быть увеличен только за счет возрастающих издержек производства на единицу продукта. Это имеет место при данной технике земледелия. (В случае же перехода к новой технике возможно увеличение производства и одновременное повышение сбора с единицы площади без возрастания издержек производства на единицу продукта. Но при каждой данной технике земледелия существует факт убывающего плодородия земли» (стр. 14).

Как видим, тов. Варга излагает закон убывающего плодородия земли с особыми ограничениями, обставляет особыми условиями. Его «закон» имеет место только «при каждой данной технике земледелия». Однако, от этого дело нисколько не изменяется к лучшему. Нелишним будет здесь напомнить нашим читателям, что и отец ревизионизма в аграрном вопросе—Э. Давид точно так же трактует закон убывающего плодородия почвы. Вот что говорит он по этому вопросу:

«Для общего хода исторического развития земледелия значение имеют успехи науки и техники, благоприятно влияющие на продуктивность сельско-хозяйственной работы. Закон понижающейся производительности почвы не мешает этому. Он вообще не касается вопроса о колебании продуктивности при переходе с одной научно-технической ступени на другую. Закон занят исключительно колебанием продуктивности на одной и той же научно-технической ступени. Каждое новое открытие или изобретение, вносящее улучшение в с.-х. производство, ставит закон понижения производительности почвы на новый базис». (Социализм и сельское хозяйство—2-е изд., Петербург, 1908 г., стр. 476).

В доказательство незыблемости пресловутого «закона» тов. Варга заявляет, что «если бы не было факта убывающего плодородия земли, и если бы возможно было при помощи увеличенной затраты средств производства и рабочих сил добывать с той же площади земли практически неограниченное количество продуктов при неизменяющихся издержках производства на единицу продукта (что имеет место в индустрии), то ничтожная площадь земли оказалась бы достаточной для того, чтобы снабдить средствами существования все человечество» (стр. 14). Как видим, и здесь тов. Варга повторяет тот обычный избитый довод в пользу закона убывающего плодородия земли, который в свое время приводился Давидом, Булгаковым, Масловым и всеми буржуазными экономистами. В свое время Маркс предвидел этот основной и единственный довод и назвал его «поверхностным взглядом» и добавил при этом: «хотя это считается особой невыгодой земледелия, но справедливо как раз обратное...» (Капитал, т. III, ч. 2-я, стр. 317).

Утверждение тов. Варги является не лишенным некоторого смысла, поскольку он остается на одной и той же ступени развития земледельческой техники, поскольку он предполагает последнюю застывшей на определенном уровне. В этом случае, при наличии, напр., одного плуга, требующего одного работника для своего обслуживания, прибавка к нему второго работника не увеличит производительности труда. Каждое орудие и машина предполагает уже заранее определенное количество рабочих рук, необходимых для их рационального использования. Поэтому было бы более выгодным употребить в дело вместо одного—два плуга. Но это еще не доказывает, что третий плуг мог бы еще более увеличивать производительность. Дело в том, что опять-таки всякое орудие и машина рассчитаны на производство определенного количества работы при нормальных средних условиях. Их применение будет считаться производительным, рациональным только в том случае, если будет исполнен, по крайней мере, минимум этой работы. Отсюда вытекает, что поскольку два плуга успешно справляются с определенным количеством работы, прибавка к ним третьего для совершения той же работы будет непроизводительной затратой, не приносящей никакого дохода. Раз достигнута необходимая для рационального использования данных средств производства максимальная граница, то вся дальнейшая добавка труда явится бесплодной. Добавочное вложение капитала не только не даст добавочного, хотя бы относительно уменьшающегося, продукта, но вовсе не принесет ничего. Вот при такой постановке вопроса закон может иметь некоторое значение.

Но из только что сказанного вытекает такой вывод, что самое понятие «добавочного вложения капитала» на одной и той же площади предполагает изменение способов производства, т.-е. прогресс техники. Поэтому в оценке закона убывающего плодородия земли мы должны исходить не из статики, а из динамики земледельческой техники. Только при этом условии мы сумеем определить его истинное значение и место в экономике сельского хозяйства.

Технический прогресс, как все в природе и обществе, совершается диалектически. Всякий тип или система техники не есть что-то идеальное, совершенное, неизменное, а относительное. Всякая новая система техники уже с момента своего возникновения носит в себе недостатки, противоречащие с общей идеей данной системы. Мелкие технические изобретения или усовершенствования в основном типе, направленные на разрешение этих противоречий, еще более их усиливают, прибавляя к ним новые, накопляя их. На известной определенной ступени технического прогресса, наросшие противоречия из количества переходят в качество, разрешение становится возможным только путем замены прежнего типа новым, более совершенным, путем технической революции.

Одним словом, в действительном ходе развития техники мы имеем дело, с одной стороны, с периодами органического развития и роста, с периодами эволюционными, с другой—мы там имеем дело с революциями, коренными переворотами в господствующей системе техники. Периоды органического развития техники сменяются революциями и наоборот.

Соответственно этому действительному ходу развития техники мы должны различать два основных способа применения добавочных капиталов к одной и той же площади земли. Один способ применения добавочных капиталов будет иметь место в период органического роста техники, т.-е. на основе данной системы техники производства; другой—в периоде технической революции, т.-е. при переходе прежней системы техники производства в новую, более совершенную систему, при под'еме сельского хозяйства на

новую, техническую базу. Исторически они чередуются, сменяя друг друга.

В периоды органического роста техники не могут иметь места большие добавочные затраты труда и капитала, с значительным увеличением полезного от него эффекта. Они будут колебаться между минимумом труда, необходимым для хозяйств при этом состоянии техники, и максимумом, при превышении которого всякая дальнейшая прибавка труда непроизводительна. При сохранении этой системы техники и формы хозяйства увеличение количества продукта может совершаться, главным образом, лишь постольку, поскольку возможно дальнейшее увеличение культурной площади.

Но отнюдь не всегда и в этих узких пределах будет наблюдаться уменьшение производительности каждого такого добавочного вложения. Однако, когда совершился переход к новой форме хозяйства, когда водворилась новая система земледельческой техники, то эта новая форма хозяйства, усовершенствованная система техники производства при всяких условиях производительности труда означает возростание продукта, извлекаемого данным количеством труда и с данной площади земли, а также умножение избытка над средствами содержания этого труда, идущего на содержание неземледельческого населения. Поэтому очень правильно определил место и значение закона убывающего плодородия почвы Ленин, а именно: «Закон убывающего плодородия почвы вовсе неприменим к тем случаям, когда техника прогрессирует, когда способы производства преобразуются; он имеет лишь весьма относительное и условное применение к тем случаям, когда техника остается неизменной... Вместо универсального закона мы получаем, следовательно, в высшей степени относительный «закон»,— настолько относительный, что ни о каком «законе» и даже ни о какой кардинальной особенности земледелия не может быть и речи... Вот почему ни Маркс, ни марксисты и не говорят об этом «законе», а кричат о нем только представители буржуазной науки, вроде Брентано, которые никак не могут отделаться от предрассудков старой политической экономии с ее абстрактными, вечными и естественными законами». (Собр. сочин., том IX, стр. 55).

Подобные же явления имеют место также в промышленности. Любая машина пока не износилась работает гладко, без перебоев, и поэтому до максимума развивает производительность труда. Но стоит только той же машине в результате долгой работы поизноситься, как производительность ее будет понемногу сокращаться. Ремонт, новые улучшения — все это поднимает ее производительность, но не в такой степени, как при этом возрастают издержки. Происходит вздорожание изготовляемых при ее помощи товаров, так как для получения все того же количества товаров приходится сделать известную затрату, приходится оплачивать нечто, что прежде не оплачивалось. Но стоит только изобрести новую конструкцию той же машины, как производительность ее возрастет быстрее, чем издержки на ее производство. Стоимость производимых при ее помощи товаров будет понижаться. Вследствие новых изобретений, и здесь могут быть произведены отдельные улучшения, но, предполагая данную ступень развития производительной силы, машина при употреблении может лишь ухудшаться...

ся... Хотя это считается особой невыгодой земледелия, но справедливо как раз обратное... При быстром развитии производительные силы плюс совокупность старых машин приходится заменять более выгодными, следовательно, они утрачиваются. Напротив, земля, если она правильно возделывается, все улучшается». (Капитал, III том, 2-я часть, стр. 317).

Словом, добавочные затраты капитала с уменьшающейся производительностью не представляют исключительного явления одного земледелия. В этом отношении нет никакого различия между сельским хозяйством и промышленностью.

Если бы закон убывающей производительности земли действительно господствовал в земледелии, то избыток, производимый каждым сельским рабочим уменьшался бы; уменьшалось бы также количество населения, которое живет за ее счет. Но действительность говорит обратное. Обратное говорят не только промышленные страны Европы, как напр., Германия, ввозящие жизненные припасы, но и Соедин. Штаты, вывозящие их. В Соедин. Штатах с 1840 по 1919 г. население увеличилось в 6⅓, промышленное население в 14,8 раз, количество же фермерских рабочих увеличилось только в 4,1 раз. Но возросшему в 4,1 раз количеству фермерских работников соответствует еще более быстрый прирост (в 9,8 раз) количества производимых им хлебов, результатом чего явилось увеличение продукции зерновых хлебов на душу населения с 59,7 до 92,9 пуд. (по 14 цензу 1920 года).

Таким образом, пресловутый закон убывающего плодородия почвы сводится на нет непрерывным прогрессом земледельческой техники. Последний дает возможность относительно и даже абсолютно сокращающемуся сельскому населению производить увеличивающееся количество земледельческого продукта на увеличивающееся количество народонаселения. Предсказывать же убывающее плодородие земли на далекое неизвестное будущее предоставляем пророкам и бездельникам.

Одним словом, ни с точки зрения теоретической, ни практической закон убывающего плодородия земли не выдерживает никакой критики. Между тем, тов. Варга продолжает возводить этот закон в особенность земледелия, создавая этим совершенную путаницу. Подобно буржуазным экономистам, он связывает этот закон с теорией ренты, и заявляет, что «факт убывающего плодородия земли образует основу как абсолютной, так и дифференциальной ренты» (стр. 15).

***

В каком смысле факт убывающего плодородия земли образует основу абсолютной ренты?

«Предположим, что в данный момент производство средств существования уже недостаточно для удовлетворения потребностей. Цены на средства существования поднимаются. Производство их должно быть увеличено. Такое увеличение производства возможно либо путем приложения нового капитала и труда к уже возделываемым участкам, либо путем обработки участков, до сих пор не возделывавшихся. Но приложение нового капитала наталкивается на узкие границы вследствие факта убывающего плодородия

земли». Тут же в скобках тов. Варга считает необходимым оговориться, что «Маркс в данном контексте не подчеркивает роли убывающего плодородия почвы, но весь ход его мысли был-бы лишен основания, если бы возможно было увеличение производства на уже возделываемых участках земли, без возростания издержек производства на единицу продукта» (стр. 16).

Действительно ли ход мысли Маркса был бы лишен основания без закона убывающего плодородия земли? Здесь тов. Варга переоценивает значение убывающего плодородия земли и не доценивает роль частной собственности на землю.

Роль частной собственности в деле возникновения абсолютной ренты, прежде всего, оказывается в том, что она мешает свободным капиталам перетекать в еще незанятые земли, чем вызывает образование того излишка над регулирующей ценой производства, который представляет из себя, по Марксу, абсолютную ренту. Но этим роль частной собственности не исчерпывается. Конечно, в течение срока действия арендного договора арендатор откупился от монополии частной собственности на землю, т.-е. он будет присваивать себе всякую ренту, получающуюся от добавочных вложений капитала в течение срока действия арендного договора. Но и здесь поле приложения добавочных капиталов ограниченное. Дело в том, что дополнительно затраченный капитал, который по своей производительности одинаков с первоначальным капиталом на худшем сорте земли, уже не дает дифференциальной ренты. Поэтому такая дополнительная затрата капитала служит тем крайним пределом, за которым рента вообще начинает превращаться в среднюю прибыль. Но так как рента арендным договором заранее предвосхищена и закреплена за земельным собственником, то остается одно из двух: или продолжать добавочные вложения капитала за этим пределом и уплачивать часть ренты из средней прибыли на капитал, или же прекратить дальнейшие затраты капитала с тем, чтобы выручать среднюю прибыль на капитал. Конечно, всякий капиталистический арендатор будет выбирать второй путь. Пока существует институт частной собственности на землю, таковые добавочные затраты капитала невозможны, хотя средняя цена производства продукта для всего затраченного капитала была бы ниже регулирующей цены производства.

Следовательно, *не убывающее плодородие земли, а частная собственность на землю здесь снова ставит границы дальнейшим приложениям капитала к одной и той же площади земли, при данных технических условиях производства.* Лишь только достигнуты эти границы, как можно сказать, что капитал уже исчерпал все производительные возможности, которые ему открывались на данной ступени развития *земледельческой* техники. Я подчеркнул слово «земледельческой», так как в индустрии подобных ограничений капитал не знает. Отсюда и отсталость земледелия.

Словом, ход мысли Маркса не лишен основания и без закона убывающего плодородия земли. Его теория абсолютной ренты не нуждается в последнем для своего обоснования.

Далее, необоснованным является заявление тов. Варги, что во втором томе «Теории прибавочной стоимости» «Маркс дает

другую, как мы полагаем, неправильную теорию абсолютной ренты, обосновывая ее различием органического состава капитала» (стр. 17, сноска 3). Надо сказать, что по существу марксовая трактовка абсолютной ренты в «Теориях» ничем не отличается от трактовки ее во II томе «Капитала». Речь может итти лишь о том, где эта трактовка получила более законченное выражение. Как в том, так и в другом труде Маркс проводит ту мысль, что *монополия частной собственности на землю*,—а не низкое строение земледельческого капитала—увеличивает цену на продукты сельского хозяйства и этим создает излишек над средней нормой прибыли, принимающей форму абсолютной ренты. *Монополия на землю, как об'ект права, является, по Марксу, единственной причиной возникновения абсолютной ренты.*

Низкое ли, высокое ли строение земледельческого капитала, это лишь условия, отличающие одну форму абсолютной ренты от другой, определяющие, будет ли абсолютная рента образовываться из стоимости продукта земледелия или из *монопольной цены*, превышающей стоимость этого продукта. Факт низкого строения земледельческого капитала свидетельствует только о том, что абсолютная рента представляет в этом случае часть прибавочной стоимости, созданной в самом земледелии. Повышение же строения земледельческого капитала до уровня состава среднего общественного капитала будет означать образование абсолютной ренты из прибавочной стоимости, созданной вне земледелия, т.-е. в промышленности.

Низкое строение земледельческого капитала является лишь выражением исторически создавшейся отсталости земледелия по сравнению с промышленностью, равно, как повышение строения земледельческого капитала до уровня, или выше, состава среднего общественного капитала означает, что интенсивная культура водворила в земледелии те же производственные отношения, какие являются типичными для промышленности. Следовательно, *низкое или высокое строение земледельческого капитала,—это суть различные условия, которые обусловливают две формы абсолютной ренты, соответствующие различным историческим эпохам развития капитализма в земледелии.*

В каком смысле факт убывающего плодородия земли образует основу дифференциальной ренты? «Основа дифференциальной ренты,—говорит тов. Варга,—составляет элементарный факт различий в естественном плодородии земли» (стр. 20). Но в силу какой причины на этом естественном базисе возникающая дополнительная прибыль принимает форму дифференциальной ренты?

Напомнив вкратце учение Маркса о стоимости, цене и прибыли, тов. Варга заявляет, что «описанный механизм образования цен действует только для тех отраслей производства, в которых *производство может быть увеличено практически неограничено, без возрастания издержек производства на единицу продуктов* (стоимость издержек производства = C + V). Это имеет место во всех других отраслях производства, за исключением сельского хозяйства.

Здесь ясно и ярко обнаруживается принципиальная разница между промышленностью и сельским хозяйством. Фабрикант, у

которого себестоимость продукта ниже по сравнению с его конкурентами, продает его по цене, немного ниже рыночной цены, с целью увеличить общую сумму своей прибыли посредством увеличения сбыта. Он следует такой политике, ибо он может производить неограниченно большое количество товаров с уменьшающимися издержками производства на единицу.

Сельско-хозяйственный же производитель, возделывающий пшеницу на лучшей земле, с более низкими затратами, не имеет никаких оснований продавать ее дешевле рыночной цены: ибо, вследствие факта убывающего плодородия почвы, он лишен возможности добывать на той же земле большее количество пшеницы такими же низкими издержками производства... Поэтому он не может подражать политике фабриканта, который сознательно понижает свою прибыль с единицы товара, чтобы, посредством расширения сбыта, увеличить общую сумму своей прибыли... В сельском хозяйстве не существует конкуренции между отдельными предприятиями (стр. 22 и 23).

Таким образом, тов. Варга, причину возможности дифференциальной ренты усматривает в факте убывающего плодородия земли. Не будь этого «факта», не было бы и никакого различия между промышленностью и земледелием. Как в первом, так и во втором имела бы место конкуренция между отдельными предприятиями, дополнительная прибыль вступала бы в общий процесс образования средней нормы прибыли.

Разберемся в приведенных доводах тов. Варги. Фабрикант, который фигурирует у автора, и «у которого себестоимость продукта ниже, по сравнению с его конкурентами», очевидно, пользуется каким-нибудь новым усовершенствованием в способе производства, что выделяет его из среды других, ставит в привилегированное положение. То, что он продает свой продукт «по цене, немного ниже рыночной цены», свидетельствует о том, что этот усовершенствованный способ производства пока еще не получил всеобщего распространения, а, напротив, находится в монопольном владении этого фабриканта. При этих условиях, действительно, этот фабрикант может не только побить своих конкурентов и увеличить общую сумму своей прибыли, но он может даже выручать некоторый излишек над средней нормой прибыли, т.-е. может выручать дополнительную прибыль. И если бы данный фабрикант сумел обеспечить монополию на данное техническое усовершенствование в способе производства, то эта дополнительная прибыль была бы закреплена за ним навсегда. Но обеспечить такую монополию в промышленности не представляется возможным. Каждое усовершенствованное орудие производства поддается свободному воспроизводству в любых количествах с одной стороны, и каждое из них, являясь товаром, рассчитано на массовое производство и массовый сбыт—с другой. Поэтому всякое техническое усовершенствование имеет тенденцию становиться достоянием всех фабрикантов, отчего дополнительная прибыль в промышленности получает эпизодический характер. В промышленности конкуренция принуждает производить товары при средних, одинаково благоприятных, условиях производства.

Мы вполне солидарны с тов. Варга, что «совершенно иное положение дел существует в сельском хозяйстве», но мы расходимся с ним в вопросе: что служит причиной этого «иного положения дел?»

В земледелии бо́льшая производительность одинаковых капитальных затрат зависит от естественной производительной силы земли, которой неодинаково наделены разные земельные участки. «С.-х. производитель, возделывающий пшеницу на лучшей земле с более низкими затратами», помимо средней нормы прибыли будет присваивать еще известный излишек в виде дополнительной прибыли. Дополнительная прибыль в земледелии могла бы исчезнуть только в том случае, если бы лучшей земли хватало для удовлетворения всей общественной потребности в продуктах сельского хозяйства, если бы капиталы с худших земель могли свободно переходить на лучшие земли, еще никем не занятые, если, следовательно, цена производства на худшей земле могла снизиться до цены производства на лучшей, вызывая одновременно понижение рыночной цены.

Однако, этого быть не может. Площадь всей земли—величина ограниченная, а равно является и ограниченной по своим размерам площадь лучшей земли. Последняя не поддается, подобно машине, свободному производству. В силу этой особенности, в земледелии конкуренция капиталов не может выровнить различия в условиях производства, поскольку одна лучшая земля не может удовлетворить общество продуктами сельского хозяйства. Здесь дополнительная прибыль закрепляется за капиталами, эксплоатирующими лучшие земли в силу ограниченности этих последних, в силу естественной монополии на землю, как об'ект хозяйства. Если бы не ограниченность земли, то между промышленностью и земледелием никакой разницы не существовало бы.

Итак, не факт «убывающего плодородия почвы», а ограниченность земли, или, что то же, монополия на землю, как об'ект хозяйства, — вот причина, порождающая дополнительную прибыль в земледелии на основе различий в плодородии и месторасположении отдельных участков земли, как на ее естественном базисе.

Не «вследствие факта убывающего плодородия почвы», а в силу той же ограниченности земли в сельском хозяйстве, в отличие от промышленности, «цена хлеба равна цене производства хлеба, производимого на худшей земле и необходимого для снабжения рынка. Все производители, возделывающие лучшие земли, выручают особый излишек, сверх прибыли (стр. 23).

Наличие дифференциальной ренты представляет собой не естественное явление, независимое от производственных отношений, как утверждает автор на стр. 20, а явление историческое.

Таким образом, можно сказать, что и дифференциальная рента нисколько не нуждается в факте убывающего плодородия земли для своего теоретического обоснования. Напротив, принятие этого мнимого «факта» в основу дифференциальной ренты привело автора к такому неслыханному утверждению, что в «сель-

ском хозяйстве не существует конкуренции между отдельными предприятиями», чем фактически закон трудовой стоимости устраняется из земледельческого производства и делается совершенно необ'яснимым неоспоримый факт поглощения мелкого производства крупным в сельском хозяйстве.

Следующая крупная теоретическая ошибка как раз связана с оценкой производительности крупных и мелких предприятий в сельском хозяйстве в гл. IX.

При сравнении производительности крупных и мелких предприятий,—говорит тов. Варга,—необходимо строго придерживаться научного метода, предполагающего равенство всех прочих условий; т.-е. мы должны предположить полное равенство плодородия земель, их положения, техники земледелия, специальной подготовки работников и руководителей, интенсивность труда и т. д. (стр. 58). Руководствуясь этим методологическим правилом, автор далее рассматривает под ряд, какова производительность крупных и мелких предприятий: 1) в смысле валового дохода; 2) в смысле величины ренты; 3) в смысле прибыли с капитала и 4) в смысле производительности труда,—и приходит к выводу, что «при полном равенстве всех прочих условий, крупное предприятие имеет решительное преимущество в производительности труда, однако, эта разница не имеет особенно большого экономического значения». Во всех остальных смыслах производительность мелкого предприятия не уступает, а порой даже превосходит производительность крупного. При прочих равных условиях, напр.. «валовой доход сельского хозяйства будет больше в мелких крестьянских предприятиях, чем в крупных капиталистических». (стр. 59). Ибо «крупное капиталистическое предприятие при повышении дохода наталкивается на границы возможного применения рабочих сил. Капиталистический сельский хозяин... будет применять рабочих для увеличения урожая лишь при том условии, если их добавочный труд доставляет ему также прибавочную стоимость, т.-е. повышает прибыль на вложенный капитал. Трудящийся же крестьянин в мелком предприятии будет применять рабочую силу свою и своей семьи до того пункта, где его труд не доставляет уже никакой прибавочной стоимости и, может быть, даже полной заработной платы» (стр. 58).

Как видим, тов. Варга становится на сторону защиты ревизионистского тезиса, который красной нитью проходит через весь труд Э. Давида «Социализм и сельское хозяйство», а именно: жизнеспособность мелкого производства в земледелии и превосходство его над крупным.

Основная теоретическая ошибка автора вытекает из того обстоятельства, что он в основу группировки хозяйств по размерам полагает размер площади земли. В свое время Ленин по этому поводу писал следующее: «Группировка по площади земли соединяет вместе крупные и мелкие хозяйства, раз они похожи по размерам землевладения, соединяет вместе хозяйства с совершенно различными размерами производства, такие, в которых преобладает семейный труд с такими, в которых преобладает наемный. От этого получается в корне неправильная, совершенно извращающая действительное положение дела,—но очень нравящаяся буржуазии—картина притупления классовых противоречий в капитализме. От этого получается не менее фальшивое и не менее нравящееся буржуазии прикрашивание положения мелких земледельцев, получается апологетика капитализма». (Собр. сочин., том IX, стр. 244).

«Главная линия развития капиталистического земледелия,—пишет там же Ленин,—состоит именно в том, что мелкое хозяйство, оставаясь мелким по площади земли, превращается в крупное по размерам производства, по развитию скотоводства, по размерам удобрения, по развитию применения машин и т. п.

Поэтому безусловно неправилен тот вывод, который получается при сравнении разных групп хозяйств по количеству земли, и который гласит, что с увеличением хозяйства уменьшается интенсивность земледелия. Единственно правильным, наоборот, является тот вывод, который получается при сравнении различных хозяйств по величине стоимости продуктов, и который гласит, что с увеличением размеров хозяйства увеличивается интенсивность земледелия» (стр. 243).

Вторая ошибка кроется в самом методологическом принципе, установленном автором. Равенство всех прочих условий по существу является равенством несравнимых величин. Все перечисленные автором хозяйственные признаки, будучи количественно равновеликими величинами или равными условиями, качественно будут совершенно различными в мелком и крупном предпрятиях. Следуя этому методу, автор пришел к такому заключению, что чрезмерный труд трудящегося крестьянина составляет выгодную сторону мелкого предприятия в сельском хозяйстве. Факт принижения капитализмом мелкого крестьянина и арендатора прикрывается здесь выкладками о размерах чистой прибыли на капитал и о величине земельной ренты. Весь же внутренний строй жизни и производства, вся качественная сторона мелкого и крупного предприятия затушевываются.

Поэтому Ленин говорит, что «по отношению ко всем и всяким сравнениям доходности мелких и крупных хозяйств в земледелии должны раз навсегда признать абсолютно негодными и вульгарно-апологетическими выводами, игнорирующие три обстоятельства: 1) как питается, как живет и как работает земледелец? 2) как содержится и как работает скот? 3) как удобряется и рационально ли эксплоатируется земля? Мелкое земледелие держится всяческим хищничеством: расхищением труда и жизненных сил земледельца, расхищением сил и качеств скота, расхищением производительных сил земли, а потому всякое исследование, не принимающее всесторонне во внимание все эти обстоятельства, представляет из себя просто ряд буржуазных софизмов». (Собр. сочин., том IX, стр. 114).

Не удивительно, что после всего этого автор приходит к выводу, что «главное средство производства в сельском хозяйстве, а именно сама земля, может подвергаться делению без значительного уменьшения ее производительной силы, считая последнюю как на единицу приложенного труда, так и на единицу земельной площади» (стр. 9). Мало того, автор договаривается до того, что размеры урожая с земли зависят не от степени интенсивности, не от размеров затраченного на единицу площади капитала, а «от культуры сельско-хозяйственного населения», что берется подтвердить статистическим путем. Однако, приведенная на стр. 61 таблица, дол-

женствующая подтвердить «параллелизм между высотой урожаев и простейшим мерилом общего состояния культуры, грамотностью»,—отнюдь этого не доказывает.

Надо заранее сказать, что если последующие «очерки» по конкретным аграрным отношениям будут построены на основе изложенного автором взгляда на мелкое и крупное производство в земледелии — то они не ответят интересам и желаниям читателей.

Я. БЕРЗТЫС.

Л. Д. Троцкий о Ленине.

Л. Д. Троцкий. О Ленине. Материалы для биографа. Госиздат. 168 стр. Москва, 1924 г.

В предисловии автор говорит, что «книга не закончена», что он и дальше будет «работать над ней, вносить в нее поправки, исправлять, уточнять и дополнять ее новыми эпизодами и главами». Книга охватывает: 1) период старой «Искры», 2) период от февральского переворота до лево-эсеровского восстания. В книгу вошло еще два отдельных очерка: «Ленин на трибуне» и «Филистер о революционере». В приложении даны некоторые прежние статьи и речи о Ленине.

Основное впечатление, которое получается от книги тов. Троцкого: она далеко не во всех частях сделана только «для биографа». Очерки: «Перед Октябрем», «Переворот», «Брест-Литовск» написаны полемически, с довольно прозрачными намеками, основная тенденция которых создать представление, что в решающие моменты только он, Л. Д. Троцкий, был с Лениным, что все, кроме него, колебались, ошибались, заблуждались. Если книгу тов. Троцкого прочтет человек, незнакомый с прошлым нашей партии, то он придет к убеждению, что никогда никаких разногласий между Лениным и Троцким не было. Между тем, ведь совсем еще недавно в книжке «Новый курс» тов. Троцкий сам заявлял, что он к ленинизму шел «с боями». Известно, что на протяжении ряда лет эти «бои» ему приходилось выдерживать прежде всего и главным образом... с Лениным». Почему из истории этих «боев» тов. Троцкий не привел «для биографа» ни единой строчки»? Этот вопрос тем более напрашивается, что о постоянных сотрудниках Ленина, составляющих основной кадр большевизма, тов. Троцкий говорит только постольку, поскольку необходимо напоминать об их ошибках. Впрочем, хорошо и довольно подробно отзывается он о... покойнике — Я. М. Свердлове.

Остановимся на некоторых ошибках тов. Троцкого.

Говоря о подготовке октябрьского переворота, Троцкий пишет: «Если бы мы не взяли власти в октябре, мы ее не взяли бы совсем» (стр. 65). В таком категорическом виде это утверждение неверно. Вопрос о захвате власти не решается исключительно по правилу: «лови момент», хотя момент ловить надо и зевать не следует. Однако, если партия восходящего класса данный благоприятный момент почему-либо упустила, то это не значит, что уже все пропало, что никогда более подходящая для захвата

власти обстановка не повторится. Троцкому кажется, что один раз в жизни приходит «час» пролетариата, и если он этот «час» упустил, тогда прощай мечта о захвате власти. Это — политическая метафизика.

Рабочий класс рискует, быть может, не один раз упустить благоприятный момент. Это весьма вероятно, ибо он — класс угнетенный, лишенный необходимого политического опыта. Но когда пролетариат упускает момент захвата власти, инициативу берет в руки буржуазия и бьет его. Однако, разбитые армии, — любил говорить Ленин, — хорошо учатся. Научится на тяжелых уроках и пролетариат, победа которого исторически обеспечена, ибо буржуазия не способна справиться с основными противоречиями капитализма.

Свой метафизический «закон» об одном обязательном сроке для совершения переворота тов. Троцкий применяет к Германии. Он рассуждает следующим образом. Большевики совсем не взяли бы власти, если бы не взяли ее в октябре 1917 г. Из всех его рассуждений вытекает, что немецкие коммунисты не возьмут более власти, ибо они не взяли ее в идеально благоприятный срок — в октябре 1923 года.

Перейдем к другой ошибке т. Троцкого. На стр. 102 его книги мы читаем:

> «Газеты особенно ухватились за слова: «грабь награбленное» и ворочали их на все лады: и в передовицах, и в стихах, и в фельетонах.
>
> — И далось же им это «грабь награбленное» — с шутливым отчаянием говорил раз Ленин.
>
> — Да чьи то слова? — спросил я, — или это выдумка?
>
> — Да нет же, я как-то действительно это сказал, — ответил Ленин, — сказал, да и позабыл, а они уж из этого сделали целую программу. — И он юмористически замахал рукой».

Эта информация тов. Троцкого уже вызвала в нашей печати законнейший протест. Смысл сообщения тов. Троцкого сводится к следующему: для Ленина фраза «грабь награбленное» вовсе не имела боевого политического значения, он ее произнес «как-то», потом «позабыл», а «они» из случайной фразы «сделали целую программу».

Мы полагаем, что тов. Троцкий неправильно понял Ленина. Фраза «грабь награбленное» для определенной эпохи была именно «программным» лозунгом. Она вовсе не случайно и не один раз сорвалась с уст нашего вождя. К ужасу мещан и добродетельных лакеев буржуазии, ее Ленин повторял неоднократно, спокойно раз'ясняя всем меньшевикам и полу-меньшевикам, что «грабь награбленное» является переводом латинской фразы «экспроприация экспроприаторов».

Удастся или нет «ограбление грабителей»? Этот вопрос в первый период революции имел решающее значение. В январе 1918 года Ленин говорил агитаторам, посылаемым в провинцию:

> «Война внешняя кончилась или кончается. Это решенное дело. Теперь начало внутренней войны. Буржуазия, запрятав награбленное в сундуки, спокойно думает: «Ничего — мы отси-

димся». Народ должен вытащить этого «хапалу» и заставить его вернуть награбленное. Вы должны это провести на местах. Не дать им прятаться, чтобы нас не погубил полный крах. Не полиция должна их заставить, — полиция убита и похоронена, — сам народ должен это сделать, и нет другого средства бороться с ними.

Прав был старик-большевик, об'яснивший казаку, в чем большевизм. На вопрос казака: А правда-ли, что вы, большевики, грабите? — старик ответил: Да, мы грабим награбленное.

Мы в этом море потонем, если не извлечем из тех кубышек все запрятанное, все награбленное за все годы бессовестной, преступной эксплоатации.

Мы скоро проведем в Ц. И. К. закон о новом налоге на имущих, но вы это должны сами провести на местах, чтобы к каждой сотне, набитой во время войны, была бы приложена рука трудящегося».

Речь эта была напечатана в «Правде» 24 января 1918 года. Цитированная выше беседа относится, согласно указаниям тов. Троцкого, к первым неделям Октября, когда мы еще не сумели обуздать буржуазную и социал-предательскую печать. Никто ведь не подумает, что Ленин агитаторам мог говорить одно, а в частной беседе говорить другое. Несомненно, тут тов. Троцкий не так понял Ленина.

Ленин мог протестовать, как протестовали все мы, против уголовного толкования буржуазией и эсеро-меньшевиками лозунга «грабь награбленное», против сведения всего дела к простому грабежу, к анархическим «эксам» и т. п. Но отрицать в известном смысле «программный» характер лозунга «грабь награбленное», относиться к нему «юмористически» Ленин не мог.

Лозунг «грабь награбленное» — самый неприятный для буржуазии и мещанства из всех неприятных плебейских лозунгов революции. Всякая попытка его задним числом «раз'яснить», об'ективно не может быть понята иначе, как «переоценка» нашего прошлого.

Переходим к следующей ошибке тов. Троцкого. Речь идет о Бресте. Изложение тов. Троцкого способно создать впечатление, будто в брестский период Ленин, пожалуй, почти во всем, в конце концов, соглашался с ним, Троцким. Об историческом воздержании тов. Троцкого в ЦК, в самый решающий момент, в книге ничего не говорится. Но здесь не место подвергать рассмотрению старые ошибки тов. Троцкого, связанные с Брестом. Остановимся на одной новой ошибке. Провозглашая формулу: «Мира не подписывать, войну прекратить», мы,—указывает тов. Троцкий, — «прощупывали» Германию, выясняли, способна ли она наступать на революционную Россию. Риск был велик, но и ставка была велика. И далее тов. Троцкий замечает:

«Три года спустя, мы шли на риск — на этот раз по инициативе Ленина — прощупывания штыком буржуазно-шляхетской Польши. Мы были отброшены. В чем тут разница с Брест-Литовском? Принципиальной разницы нет, но есть разница в степени риска» (стр. 88).

Вот образчик чисто отвлеченного, формального подхода к вопросу, — без конкретного анализа, без учета конкретной обстановки.

Между брестской попыткой «прощупать» и варшавским опытом «прощупывания» есть именно принципиальная, качественная разница.

Начать хотя бы с того, что формула: ни мира, ни войны означала пассивное состояние революционной страны. Варшава — это величайшая активность революции. Тут явная «принципиальная разница».

Далее. Что конкретно означает период перед Брестом? Забастовки, имевшие место в Германии и Австрии, не развернулись в широкую революционную борьбу по всему фронту. У российской революции нет армии, нет вообще государственного аппарата массы неслыханно устали от империалистической войны, массы психологически не вышли еще из старой войны. Военное поражение революции при этих условиях означает ее неминуемую гибель. Рисковать в данном случае, значит рисковать головой революции.

Что конкретно означает период Варшавы? Европа находится на «революционном положении». Даже английские меньшевики вынуждены стать во главе выдвинутых снизу комитетов действия. Даже II Интернационал вместе с Амстердамом вынуждены, считаясь с настроениями массы, признать и сделать вид, что организуют бойкот белой Польши. Революция располагает мощной армией. Массы имели уже некоторую передышку и понимают, что участвуют в новой, классовой войне. Возможное на войне поражение при этих условиях не угрожает жизни революции. Рисковать в данном случае не значит рисковать головой революции.

Таким образом, ясно, что разница между Брестом и Варшавой не «в степени риска», а именно принципиальная. В период Бреста даже при наличии сильной армии мы не могли вести себя, как в период Варшавы, — «прощупывание» штыком страны, без прямой революционной борьбы в этой стране, является авантюризмом. В период Бреста такой борьбы не было, и потому тогдашние «левые» речи о «мировой», «полевой», «революционной» войне являлись авантюристской фразой. В период Варшавы отказаться от «прощупывания» означало бы проявить национальную ограниченность, отсутствие размаха, политическую трусость...

Вот если бы тов. Троцкий все эти конкретные обстоятельства принял во внимание, он увидел бы, что между его брестской формулой и связанным с ним риском и варшавской формулой и риском была огромная принципиальная разница.

Возвращаясь к книге тов. Троцкого, необходимо сказать, что если б можно было «вычесть» из нее неправильный политический уклон, остались бы в самом деле ценные «материалы для биографа» и для всей читательской массы вообще. В частности, глава «Ленин и старая «Искра» содержит в себе очень много важного и интересного. К сожалению, весьма мало надежд на то, чтобы сам автор занялся «вычитанием» политических уклонов и ошибок. Читатель, и в особенности биограф, сами, очевидно, проделают эту работу.

***

В журнале «Красная Новь» (июнь—июль 1924 г.) Г. Даян дает восторженный, но партийно совершенно неприличный отзыв о книге тов. Троцкого. В лице Даяна мы видим, как книгу тов. Троцкого воспринимает *оппозиционный обыватель*. Слушайте:

> «Обычно принято думать, что партия всегда и неизменно *покорно* следовала за Лениным, *трепетно ловила* каждый взмах его дирижерской палочки. Троцкий эту легенду разрушает».

Где это «принято думать», что партия «покорно следовала», «трепетно ловила»? Среди обывателей всякого рода, в том числе и среди обывателей с партбилетом, вроде Даяна. Ведь надо быть мещанином до мозга костей, надо быть на все сто процентов чуждым большевистской партии человеком, чтобы написать эти жалкие, глупые, оскорбительные и для партии, и для покойного вождя слова.

Пойдем дальше. Троцкий приводит случай, когда Ленину — после февраля — приходилось выдерживать бой с товарищами, уклонявшимися вправо. Нельзя сказать, чтобы эта часть книги тов. Троцкого отличалась ясностью и четкостью изложения. И вот, посмотрите, как Даян толкует Троцкого:

> «Автор (т.-е. Троцкий, И. В.) перечисляет *ряд важнейших стычек между вождем и партией*. Первая — по приезде Ленина из эмиграции, в связи с его тезисами. Второе *столкновение* произошло в связи с вооруженной демонстрацией 20 апреля. Третье — вокруг попытки вооруженной демонстрации 10 июня. Затем — конфликты, в связи с июльскими днями, с предпарламентом, непосредственно перед октябрьским этапом и после переворота (вокруг вопроса о коалиции с другими социалистическими партиями). Ленин оказался *одиноким и* в вопросе об отсрочке Учредительного Собрания (92 стр.). Пришлось ему также немало *воевать* по вопросу о переезде правительства в Москву (107)».

Вот как «переводит» Троцкого обыватель, который понятия не имеет о том, что происходило в большевистской партии. Эпизодические разногласия между Лениным и теми или другими товарищами, в разное время и по разным поводам — обыватель превращает в постоянные стычки между вождем и *партией*, именно партией, ни более и ни менее. Читатель нашего «толстого» журнала отныне знает, что Ленин в своей партии был бы совсем одиноким, если бы не Троцкий, который один его поддерживал...

Вот какими словами заканчивается рецензия Даяна:

> «Помимо своей прямой задачи, работа Троцкого облегчит нам уяснить себе величавую фигуру самого Троцкого. Перед нами встает не только образ почившего вождя, но и образ *сплетавшегося с ним в годы революции его героического сподвижника*. В этом дополнительная заслуга книжки».

Кому нужна эта фальшивая декламация о «сплетавшемся» «героическом сподвижнике»? С одной стороны, создают впечатление, будто «партия» постоянно находилась в «стычке» со своим вождем, а с другой, — говорят о «сплетении». Кому нужна эта двойная неправда?

Большевистская партия вправе требовать, чтобы со страниц главного советского журнала не преподносились читателю обывательско-оппозиционные рассуждения о Ленине.

Ил. Вардин.

М. ЛЯДОВ. «Ленинизм». Доклад в Екатеринбургском клубе коммунистов 24 февраля 1924 г. Издан брошюрой, изд. «Уралкнига». Екатеринбург. 1924 г. 32 стр. Ц. 15 к.

Доклад тов. Лядова на три четверти представляет из себя популярное и, в общем, правильное изложение исторического развития тактики ленинизма. Общий недостаток изложения — чрезмерное упрощение вопросов. Но в первой четверти доклада (первые три главки) это упрощение частью переходит в неверность.

Такова, во-первых, главка «Роль крестьянства в России» (III). Тов. Лядов пишет (или говорит):

> **«На Западе во всех странах и во всех революциях крестьянство играло реакционную роль.** Во Франции крестьянская масса была против революции 48 г., там же из крестьян вербовались отряды, которые расстреливали рабочих в июльские дни 1830 г.: там же крестьянская мелкая буржуазия породила бонапартизм, выдвинув Наполеона I, наконец, эта же крестьянская масса задушила Парижскую Коммуну 1871 г. Крестьянство—сплошная реакционная мелко-буржуазная масса, его нельзя считать активом революции,—учили западно-европейские социал-демократы. Ленин же вносит корректив. — **В России этого не может быть.** Поэтому нашу тактику мы должны строить на об'единении сил пролетариата и крестьянства» (курсив в цитате В. А.).

Это не совсем правильное толкование взглядов Ленина на роль крестьянства в европейских революциях. Сопоставим с этим, хотя бы, такие слова Ленина:

> «Не было **ни одного** (курсив здесь и ниже принадлежит Ленину. В. А.) буржуазно-освободительного движения в мире, не дающего примеров и образцов «лево-блокистской» тактики, при чем **все** победоносные моменты этих движений связаны **всегда** с успехами этой тактики, с направлением борьбы по этому пути, вопреки колебаниям и изменам либерализма. Именно «левоблокистская тактика», именно союз городского «плебса» (=современного пролетариата) с демократическим крестьянством придавал размах и силу английской революции, XVII, французской революции XVIII века. Об этом Маркс и Энгельс говорили много раз не только в 1848 году, но и гораздо позже. Чтобы не приводить много уже раз приводившихся цитат, напомним переписку Маркса и Лассаля в 1859 году. По поводу трагедии Лассаля «Зиккинген» Маркс писал, что коллизия, проведенная в драме, «не только трагична, но она есть именно та самая трагическая коллизия, которая совершенно основательно привела к крушению революционную партию 1848 и 1849 годов». И Маркс, уже намечая в общих чертах **всю** линию будущих разногласий лассальянцев и эйзенахцев, упрекал Лассаля, что он впадает в ошибку «тем, что ставит **лютеровско-рыцарскую** оппозицию выше **плебейско-мюнцеровской»** (соч. т. XI ч. 2, стр. 473. Статья «Принципиальные вопросы избирательной кампании». «Просвещение», № 2, янв. 1912 г.).

Легко видеть, что оценка роли крестьянства в западных революциях у Ленина и у Лядова не совпадают. Крестьянство играло там не только реакционную, но и революционную роль. «Открытие» Лениным роли крестьянства в буржуазно-демократической революции опиралось на международный, а не только национально-русский опыт. При этом, Ленин, как мы видим, теоретически опирался на Маркса, который в переписке с Лассалем имел в виду совсем **не** русский опыт. Учи-

тывая российские условия, Ленин лишь применил к ним **Марксову** «тактику левого блока». Это важно подчеркивать в нашей пропаганде с той точки зрения, чтобы не рисовать Ленина в национально-ограниченных цветах (у насде, «в России этого не может быть»), чтобы не отдавать «западно-европейского» Маркса, вопреки истине, в распоряжение меньшевиков. Излишнее преувеличение роли Ленина по отношению к Марксу здесь легко может превратиться в уменьшение действительного, **международного** значения Ленинской тактики.

Кроме того, в изложении тов. Лядова смазано различие роли крестьянства (в оценке Ленина) в две отличные друг от друга эпохи: в буржуазно-демократической и в социалистической революции. Без ясного разграничения этих двух эпох, которые у нас «перерастали» одна в другую, но которые ни у нас, и нигде, не тождественны одна с другой, нельзя понять **диалектику** развития ленинской тактики в отношении к крестьянству. Если, к тому же, т. Лядов особо подчеркивает «гибкость» ленинской тактики, для которой «нет вечных истин», которая изменяется «соответственно с изменившимися условиями», то пример отношения к крестьянству здесь дал бы наибольший материал для иллюстраций и обобщений. Наш союз с крестьянством и тот же, и не тот, по сравнению с этим союзом в 1905 году. Между тем, главка «Роль крестьянства в России» раз'ясняет только эту роль в буржуазной революции. Совсем мельком упоминается, что к социализму оно пойдет «вместе с пролетариатом», а в последующих главах тов. Лядов не касается этого вопроса. Не касается он и статьи В. И. Ленина «О кооперации». Без этого изложение **ленинизма** (см. заголовок брошюры), даже в одном докладе, нельзя считать вполне удовлетворительным.

Кроме вопроса о крестьянстве, вызывает недоумение название первой главы: «Ленинизм—претворенный в жизнь марксизм». Ленин, без сомнения, назвал бы это «выкрутасом».

Общая формула о ленинизме и марксизме должна охватывать основное сходство и основное отличие того от другого. Что же получается у тов. Лядова: общее—в том, что ленинизм есть марксизм, а различие—в том, что ленинизм это «претворенный в жизнь» (а марксизм, разве не «претворен в жизнь» до Ленина?)...

Нужно сказать правду: таких «выкрутасов» о ленинизме в нашем обиходе появилось уже «энное» количество: «марксизм в теории—ленинизм в практике», «ленинизм есть марксизм в действии» и т. п.

Кроме малой теоретической продуманности вопроса об отношении теории и практики в марксизме, эти формулировки ничего другого не обозначают.

Правильную мысль о единстве теории и практики в марксизме-ленинизме тов. Лядов излагает так:

«Марксизм — это пролетарская наука, которая пытается преобразовать, переделать мир. Этого не понимали ближайшие ученики Маркса. **Они занялись изучением только (?) марксизма и думали, что этот этап можно искусственно отделить от преобразования мира.** В этом отношении они далеко отошли от действительного учения Маркса. **Ленин впервые попытался применить марксизм к жизни**; с первых же шагов своей деятельности наметил не просто пересказ, **переработку** (?), углубление марксизма, а претворение его в жизнь. Это он именно выполнил заветы Маркса. **То, что Маркс не мог сделать**, благодаря особым условиям, при которых он работал, при отсутствии массового классового движения,—**Ленин это сделал**».

Получается вульгаризация, способная создать неправильное представление о предмете.

Тов. Лядов говорит здесь о марксизме, как о «**науке**, которая пытается преобразовать, переделать мир». Нетрудно видеть, что этого определения марксизма тов. Лядов в приведенных строках до конца не выдерживает.

У тов. Лядова выходит, что Маркс, «благодаря особым условиям», не мог «применять к жизни»... **марксизма, как науки**. Иначе говоря, Маркс разработал только **теорию** марксизма, а Ленин—его **практику**. Подобный разрыв марксизма-ленинизма на две части в корне противоречит его сущности. Из признания этого разрыва проистекают, подчас, заявления о том, что меньшевики

искажают марксизм только в практике, а не в теории и т. п. По этой линии ведет нас положение тов. Лядова о том, что оппортунисты «изучали только» марксизм, оторвав его от практики. На самом деле оппортунисты не «изучали только», а искажали «перерабатывали» (кстати, этот термин, конечно, применим к ним, а не к Ленину) теорию марксизма. Если разрыв между еще сохранившейся революционной теорией и начинавшей уже господствовать оппортунистической практикой и был во II-м Интернационале, то лишь у **части** его (Плеханов, Каутский) и лишь в **первую** половину истории II Интернационала. Для бернштейнианства, наоборот, с самого начала был характерен не этот разрыв, а **единство (оппортунистической)** теории и практики.

Противопоставление ленинизма марксизму, как теории и практики (к этому сводится определение: «ленинизм это претворенный в жизнь марксизм») легко опровергается фактами. Ленин много внес в сокровищницу **теории** марксизма, так же, как в практику. Взять, хотя бы, учение об империализме, разработку учения о государстве, о партии и классе, о крестьянстве и т. д. С другой стороны, Маркс активно «претворял в жизнь», т. е. в практику, свое революционное учение, организуя I Интернационал, выступая политически в 1848, 1871 и др. годах.

При Марксе не осуществилась диктатура пролетариата, дело теории и практики которой гигантски двинул вперед Ленин. При Марксе не выросла еще могучая мировая коммунистическая партия. При Марксе капитализм не дожил до империалистической стадии и до своего краха. Можно и нужно указать, **что** внес Ленин в сокровищницу марксизма в теории и практике этих и других вопросов. Но нельзя противопоставлять ленинизм марксизму, как теорию и практику.

Ленинизм есть **современный** марксизм. В этом, кажется нам, **единственное** «отличие» его от марксизма Маркса. Это чисто **историческое** отличие, соответствующее отличию ранней и поздней эпох в рабочем и коммунистическом движении. В ленинизме законны только те «отличия» от марксизма, которые вытекают из отличия эпохи и исторического возраста. Все иные отличительные признаки, которые не связаны с этим или связаны **не только** с этим, суть прямые или косвенные извращения марксизма. Искать их у Ленина нельзя, приписывать их Ленину не нужно.

В. Астров

Н. БУХАРИН. Атака. Сборник теоретических статей. ГИЗ. Москва.

В мировом революционном движении наступила такая полоса, когда пролетариат имеет маленькую — вынужденную и готовую во всякий момент прорваться — передышку от непосредственных боев с винтовкой в руках за свержение буржуазного строя. Короткие промежутки между двумя кровавыми схватками пролетариат использует для подтягивания сил, для выравнивания рядов, для боевой выучки своего авангарда. Процесс роста, отбора здоровых боевых сил в западных капиталистических партиях, выражающийся в частичных кризисах и есть не что иное, как такое стягивание основных сил рабочего класса накануне нового боя.

Проверка рядов западной партии показала, что не все участки фронта одинаково укреплены; в частности, высота теоретической сознательности партийных масс и марксистская чистота теоретических воззрений руководителей партий явно недостаточны. Теоретические уклоны, переходящие в практической политике в более или менее откровенный оппортунизм или «левое» непонимание стоят сейчас в центре внимания всех западно-европейских коммунистических партий.

В ином разрезе те же процессы намечаются и в России. На первый взгляд волна увлечения нашей партийной молодежи разными «новейшими», а по-существу вульгарно-ревизионистскими теориями, вроде энчменизма, богдановщины, и пр. как будто схлынула, как будто в русской компартии начинает просыпаться вновь усиленный интерес к марксистской теории. Однако, если мы оглянемся на обстановку, в которой приходится работать русским коммунистам, то окажется, что все-таки теоретической выдержки мало, что теория у нас занимает недостаточно значительное место. Великий переплет социально-экономической структуры страны, сложившийся благодаря новой экономической политике,

чертовская сложность международной обстановки, намечающаяся в результате «нового курса» западно-европейских капиталистических государств по отношению к Советской Республике, — все это, при существовании одной легальной партии, создает условия неизбежных колебаний, отклонений внутри этой партии, в той части ее, которая не застрахована, не пропитана духом пролетарской борьбы, мысль которой недостаточно ярко освещается факелом марксистски-ленинской теории. Нужна высшая степень теоретической сознательности, чтобы противостоять напору непонятной новизны окружающих явлений, чтобы суметь их охватить и ими овладеть, не сбиваясь с пролетарской, коммунистической линии.

В «Атаке» т. Бухарина собраны его статьи, написанные в разное время и помещенные в различных марксистских журналах. Сюда вошли, прежде всего, пять статей, посвященных разработке экономической теории. Атака ведется здесь против новейших «светил» буржуазной политической экономии: **Бем-Баверка, Тугана-Барановского, Оппенгеймера, Струве.** Статья против Бем-Баверка является лишь началом той блестящей атаки против «австрийцев», завершение которой нашло себе место в «Политической экономии рантье» т. Бухарина, после которой научная ценность рассуждений теоретиков предельной полезности была подорвана навсегда, после которой стало почти невозможным критиковать «австрийцев», не повторяя аргументов т. Бухарина. Упомянутая статья является только **началом** атаки и потому **после** «Политической экономии рантье» она представляет интерес в качестве документа, показывающего путь развертывания критики психологической школы т. Бухариным.

Статья **«Теоретическое примиренчество» (теория ценности г. Тугана-Барановского)** (14-24 стр.) по своей сжатости представляет собой лишь наметку пути, по которому следует направлять критику Тугана; однако после десяти страничек статьи уже вполне рассеивается тот туман убедительности, который умеет напустить Туган на неопытного читателя своей развязностью, своей манерой держать себя до наглости солидно.

Зато другая статья, посвященная тому же Тугану: **«Политическая экономия без ценности (социальная теория распределения)»**, содержит в себе блестящий анализ теоретического вульгаризаторства, сохраняющей актуальное значение и по настоящий день. Опасность теоретического опрощенства выступает сейчас как одна из главных опасностей на теоретическом фронте. Товарищи часто думают, что достаточно кстати и некстати вспоминать классы и клясться классовой борьбой, чтобы быть марксистом, ленинцем, коммунистом. Такой товарищ крайне будет удивлен, если ему удастся заглянуть в Туган-Барановского — в нем он принужден будет признать своего сотоварища по воззрениям. —Туган тоже говорит, оказывается, о классах, о классовой борьбе и о чем хотите. В своей статье т. Бухарин доказывает **всю недостаточность такого взгляда. Чтобы понять классовые отношения,** классовую борьбу **в современном обществе мало на них просто указать—** надо изучить весь сложный механизм экономики капитализма, надо вскрыть связь классовой борьбы и основных экономических законов анархического регулирования анархического общества. Категории политической экономии (ценность, цена и пр.), от которых Туган заранее сознательно отрывает построения теории распределения, должны быть изучены и приведены в необходимую связь с классовой структурой капиталистического общества. Только когда вскрыты внутренние экономические пружины классовых взаимоотношений, можно говорить **об анализе классовой борьбы.** Иначе это будет упрощенство, вульгарщина, туган-барановщина.

Остальные две экономические статьи: против Оппенгеймера и Струве показывают всю детскую беспомощность ученых профессоров буржуазии, когда они на открытой арене научной дискуссии пытаются противопоставлять свои взгляды взглядам марксизма. «Страшные танки» буржуазной учености превращаются под критическим пером т. Бухарина в жалких мосек, пытающихся доказать свое ученое превосходство и остающихся, по существу, все теми же моськами, несмотря ни на какое маскирующее оперенье ученой фразы.

Кто из нашей комвузовской молодежи не слыхал об Енчмене, кто иногда не «увлекался» им? Кто, с другой стороны, из нашей «нейтральной интеллигенции» не знает проф. Павлова и его контр-революционных воззрений? Этим злободневным темам посвящено в «Атаке» две полных остроумия и теоретически весьма ценных статьи. Особенный интерес и теоретическую ценность представляет из них первая статья, посвященная Енчменову.

Ряд статей **«Теория пролетарской диктатуры», «Буржуазная революция и революция пролетарская» и «Проект программы Коммунистического Интернационала»** посвящены теории и практике непосредственной борьбы пролетариата за свержение буржуазного строя и строительство коммунизма; здесь охватываются все вопросы пролетарской революции, начиная от обще-теоретического анализа необходимости диктатуры пролетариата и сущности этой диктатуры до анализа конкретных трудностей строительства коммунизма и выработки тактических лозунгов. Сочетание глубокой теории с практической политикой сегодняшнего дня — признак, всегда характеризующий революционную партию пролетариата — находит здесь наиболее наглядное выражение.

Особняком стоит статья **«Ленин, как марксист»,** получившаяся из реферата на эту тему на заседании Коммунистической Академии. Путаница относительно разграничения марксизма и ленинизма, господствовавшая в ряде писаний партийных товарищей, устраняется тов. Бухариным. Ленинизм не есть «практика» марксизма или «приложение» марксизма к жизни, — ленинизм это и есть революционный марксизм — глубочайшая теория и директивы к практической борьбе пролетариата за свое освобождение. Если марксизм его эпигонами был теоретически извращен и практически сведен к пустым формулам и схемам — это еще не доказательство необходимости рассматривать марксизм как сухую отвлеченную теорию; у своих первоисточников марксизм оставался теоретической доктриной, дышащей революционной деятельностью и революционной практикой, одухотворенной самой глубокой теорией. Заслуга Ленина, прежде всего в том, что он марксист, подлинный продолжатель революционной теории и практики основоположников научного социализма.

Исчерпать в рецензии значение книги т. Бухарина невозможно. Всякий сколько-нибудь мыслящий партиец должен самым серьезным образом постоянно контролировать себя со стороны подкованности в теории. И «Атака» тов. Бухарина должна в этом подковывании сыграть весьма значительную роль.

КАПИТОНОВ.

Г. В. ПЛЕХАНОВ: Анархизм и социализм, с предисловием Л. Дейча. Изд-тво «Буревестник». Краснодар, 1924 г.

Книжка Плеханова об анархизме, написанная в 1894 г., не принадлежит к числу лучших работ автора. Она дает типичную социал-демократическую, т.-е. в основе мещанскую критику анархизма. Вот как рассуждает Плеханов, например, **о тактике** анархизма:

> «Герцен где-то рассказывает, что в одном маленьком итальянском городке он встречал только священников и бандитов; он был очень смущен тем, что никак не мог отличить, кто священник и кто бандит. В том же положении находятся теперь все беспристрастные люди по отношению к анархистам: **как угадать, где кончается «товарищ» и начинается бандит?** Даже самим анархистам это не всегда удается (стр. 122 рецензируемого издания).

Человек, который так смотрит на дело, естественно, должен был придать своей критике более «криминальный», чем политический характер. В книжке — как указал Ленин в своей работе «Государство и революция» — обойден основной вопрос о государстве (см. ниже). В книжке нет серьезного анализа социальных основ анархизма. Указания вроде того, что анархисты это «собственные дети баловни» буржуазии, явно недостаточны. Плеханов видит тех анархистов, которые появляются на почве декаданса буржуазии, выходят из рядов буржуазной молодежи буржуазной интеллигенции, из среды «писателей и художников упадка» и т. д.

Анархизма, связанного с рабочим движением, отчасти с крестьянством, Плеханов не видит. Он считает анархизм настолько типично-буржуазным течением, что утверждает, будто «анархизм, дитя буржуазии, никогда не будет иметь серьезного влияния на пролетариат». Это предсказание Плеханова не оправдалось. Во Фран-

ции, Испании, Италии анархизм имел «серьезное влияние» именно на пролетариат. Плеханов ошибся в своем предсказании, ибо неверно оценивал анархизм: он считал его продуктом разложения верхов, между тем, как анархизм в равной степени является продуктом политической отсталости, выражением стихийного протеста, бунта, ненависти, отчаяния рабочих масс.

«Анархизм, — продолжал Плеханов свое предсказание, — будет все более и более превращаться в **буржуазный спорт,** предназначенный доставлять **«сильные» ощущения** индивидуумам, слишком много вкусившим от светских и полусветских удовольствий». Этого не случилось и случиться не могло, ибо анархия, наряду с убожеством и об'ективной реакционностью своей положительной программы, нес в себе сильную **революционную критику** капитализма. Эта критика открывала анархизму дорогу к сердцам пролетариев и она же делала анархизм достаточно опасным для буржуазии, чтобы не превратиться в «буржуазный спорт».

Бесспорно то, что анархизм опирается на разнообразнейшие социальные элементы, что он рядом своих фракций тесно связан с буржуазией, интеллигенцией, мещанством, но в ряде стран сохранил кое-как связи и с отдельными группами пролетариата.

Коммунистическая литература по анархизму почти совершенно отсутствует. В плехановской книжке удовлетворительна историческая часть. Поэтому ее, в виду крайней нужды, можно переиздавать для масс, но при непременном условии сопровождения ее серьезным коммунистическим предисловием. А изд-ство «Буревестник», которое, оказывается, является **партийно**-кооперативным издательством, сопроводило книжку Плеханова предисловием меньшевика Л. Г. Дейча. Предисловие не улучшает, а **ухудшает** книжку Плеханова. Вот пример: Дейч рассказывает о парламентских успехах французских социалистов и о том вреде, который принесли им анархисты своей борьбой против правительства и буржуазии. Дейч пишет:

«Столь небывалый успех партии... не мог не возбудить чрезвычайных тревог среди господствовавшей буржуазии. Но последняя **не решилась бы прибегнуть к каким-либо репрессивным мерам, если бы на помощь не пришли анархисты».**

Обыватель всегда считал, что в репрессиях виноваты анархисты, социалисты, вообще революционеры. Нынешняя социал-демократия пытается вбить рабочему классу в голову мысль о том, что не будь коммунистов, не было бы реакции, фашизма, вообще репрессий со стороны буржуазии. Эту пошлую мысль о том, будто буржуазия нуждается в чьей-то «помощи» для борьбы с революционным движением, повторяет то[illegible] Дейч.

Плеханов говорил о невозможности отличить анархиста от бандита. Дейч говорит о невозможности отличить анархиста от... провокатора. Он приводит, например, такие выдержки из книги сыщика Росиньоли: «Анархизм — создание префектуры», настоящих «анархистов вовсе нет», а имеются «просто воры», убежденные анархисты — это завлеченные провокаторами больные люди и т. д. Дейч все эти изречения **подтверждает.**

Книжку Плеханова Дейч оценивает следующим образом:

«Из среды единомышленников Плеханова пока никто не нашел нужным сделать какие-либо существенные дополнения, раз'яснения, а тем более опровержения, или поправки. Поэтому, «Анархизм и Социализм» для всех нас, марксистов, является **классическим произведением,** не теряющим с течением времени ни интереса, ни значения».

Это Дейч пишет в январе 1924 года, а в августе 1917 года Ленин вот что писал по поводу плехановской книжки об анархизме:

«Плеханов ухитрился трактовать эту тему (т.-е. анархизм. И. В.), **совершенно обойдя самое актуальное, злободневное и политически наиболее существенное в борьбе против анархизма, именно отношение революции к государству и вопрос о государстве вообще.** В его брошюре выделяются две части: одна — историко-литературная, с ценным материалом по истории идей Штирнера, Прудона и пр.; другая часть — **филистерская,** с аляповатым рассуждением на тему о том, что анархиста не отличишь от бандита». (Государство и Революция»), т. XIV, т. 11, стд. 381).

Плехановскую книжку могут об'явить «классическим произведением» именно социал-демократические филистеры. Дейч сообщает, что в рядах европейской социал-демократии книжка имела «особенно большой успех», что переведена она была на немецкий язык никем иным, как Бернштейном. Все это понятно и вполне естественно. Только с какой стати наши партийные издательства старую филистерскую книжку переиздают с новым филистерским предисловием?

Ил. Вардин.

Редакция: **В. Астров, Н. Бухарин, Ил. Вардин, Л. Каменев, А. Слепков.**

ОГЛАВЛЕНИЕ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.